

ЮЖНОСИБИРСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ*

А.В. ВАРЕНОВ

avvarenov@mail.ru

http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/3_98/12_VAR.HTM

Целью данной работы является анализ памятников афанасьевской и карасукской эпох из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, сопоставимых с эпонимными южносибирскими культурами, уточнение их хронологии и ареалов распространения. Ввиду ограниченного объема журнальной статьи, автору пришлось отказаться от рассмотрения андроновских находок из Восточного Туркестана и такой категории археологических источников, как наскальные изображения.

Эпоха ранней бронзы

Открытие “афанасьевских” памятников. Одним из важнейших памятников Северного Синьцзяна является могильник Кээрмауци, расположенный в уезде Алтай. Он был открыт в ходе археологической разведки по поиску и описанию древнетюркских каменных изваяний летом 1961 г. и именно благодаря их присутствию [Ли Чжэн, 1962]. Раскопки производились во второй половине 1963 г. под руководством И Маньбая и Ван Минчжэ [И Маньбай, 1981]. Первыми исследователями могильник был признан разновременным и разнокультурным и на основе не всегда оправданных китайских аналогий датирован тысячелетием от эпохи Западной Хань (III в. до н. э.) до эпохи Тан (VII в. н. э.). В середине 80-х годов появляются сведения об “афанасьевско-андроновском могильнике” Гумугоу в районе оз. Лобнор [Ван Бинхуа, 1983; Хань Кансинь, 1986]. Тогда же Му Шуньин и Ван Минчжэ датировали часть погребений из Кээрмауци 1200–700 гг. до н. э. в силу сходства найденных там кремневых наконечников стрел, каменных сосудов, литейных форм, бронзовых ножей и “керамических яйцевидных сосудов различных типов с карасукской культурой из района Южного Алтая в Советском Союзе” [Му Шуньин, Ван Минчжэ, 1985, с. 4]. Другую часть погребений и находок Кээрмауци, в том числе и “керамическую чашу доу” они приписали современникам саков – племенам *хуцзе* (*уцзе*) эпохи Чжаньго – Зап. Хань (V–III вв. до н. э.) [Му Шуньин, Ван Минчжэ, 1985, с. 7]. Своей точки зрения Му Шуньин придерживался и в начале 90-х годов, сопоставляя форму и орнамент яйцевидных сосудов из Кээрмауци с “типичными изделиями карасукской культуры Казахстана” [Му Шуньин, 1993, с. 181, 210]. В середине 90-х годов другие китайские археологи Ван Линьшань и Ван Бо также делят материал Кээрмауци (у них этот топоним транскрибируется уже как Цемуэрцекэ или Цемурцек) на несколько групп, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа [Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 91], причем чашу доу они сравнивают с афанасьевскими курительницами из Южной Сибири, а яйцевидные сосуды – и с афанасьевской, и с карасукской керамикой [Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 89].

Первые упоминания о Кээрмуци в отечественной литературе встречаются в конце 80-х годов [Восточный Туркестан, 1988, с. 148–149]. В работах Ю.А. Заднепровского начала 90-х годов “по всему комплексу находок (яйцевидные, бомбовидные, баночные сосуды, курительницы на поддоне, кремневые наконечники стрел и др.) могильник (Кээрмуци – *А.В.*) находит прямые аналогии в памятниках афанасьевской культуры Сибири III – нач. II тыс. до н. э.” [Заднепровский Ю.А., 1993, с. 99; Заднепровский Ю.А., 1992, с. 120]. У Вл.А. Семенова “афанасьевские памятники в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на оз. Лобнор и в местечке Кээрмуци” (так в тексте – *А.В.*) фигурируют уже как достаточно известный факт [Семенов В.А., 1993, с. 26]. В.И. Молодин и С.В. Алкин, тщательно проанализировав материал могильника Гумугоу на оз. Лобнор, поставили под сомнение “правильность афанасьевской и андроновской культурной идентификации” этого памятника. Вместе с тем, они включили северную часть Синьцзяна в ареал распространения афанасьевской культуры, поскольку там “известны, по крайней мере, два могильника – Кээрмуци (почти на границе с Россией) и Туцю (правильно – Сыдуйтуцю- *А.В.*) в районе Урумчи, в которых обнаружена классическая для афанасьевской культуры керамика” [Молодин В.И., Алкин С.В., 1997, с. 38].

“Афанасьевская” керамика Синьцзяна. В действительности “прямые аналогии в афанасьевской культуре” из всей “классической” керамики Кээрмуци имеет только найденный в каменном ящике М 24 пиалообразный сосуд на коническом поддоне (рис. 1: 1, 2), именуемый по-китайски доу и сопоставимый с сибирскими курительницами [Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 50–51]. Три остальных образца “афанасьевской” керамики из Кээрмуци обнаружены в пределах оградки М16, но вне каменных ящиков и грунтовых могил, которых там шесть. Эти сосуды яйцевидной формы заметно отличаются по характеру орнаментации от афанасьевских. Один, похожий по абсолютным размерам и общим пропорциям на афанасьевский горшок из стоянки Тоора-Даш в Туве [Семенов В.А., 1982, с. 220], сплошь покрыт скомпонованными на манер чешуи веерообразными фестонами, составленными из дугообразных линий от прокатки роликового штампа или качалки с косой насечкой, хотя не исключено, что это оттиски витого шнура (см. рис. 1: 3,4). Другой украшен в верхней части тулова четырьмя кольцевыми рядами ямочных вдавлений, оставленных острой палочкой (см. рис. 1: 5,6). Третий, неорнаментированный яйцевидный горшок из М16 не опубликован.

Яйцевидные сосуды из Кээрмуци не единственные на территории Синьцзяна. Два горшка такой формы найдены в 1976 г. крестьянами при обработке земли на стоянке Сыдуйтуцю (буквально “земляной холм четвертой бригады”), расположенной на территории большой бригады (деревни) Каньэрцзы (у Ван Линьшаня и Ван Бо фигурирует “могильник Каньэрцзы”) в уезде Цитай Синьцзян-Уйгурского автономного района, у северных предгорий Тянь-Шаня, примерно в 450 км к юго-юго-востоку от Кээрмуци, по другую сторону Джунгарской котловины [Сюэ Цзунчжэн, 1982, с. 23]. У одного, высотой 14 см, с устьем диаметром 11,5 см, прямой венчик отделен от плечиков горизонтальным наlepным валиком с пояском защипов и украшен косой ромбической сеткой резных линий, а тулового орнаментировано наклонными “лесенками”, составленными, насколько можно

судить по фотографии, тоже из резных линий, оттисками заостренной палочки и, возможно, гребенки (см. рис. 1: 12). Второй сосуд фрагментирован и не показан на иллюстрации.

Орнаментация первого сосуда из Сыдуйтуцю (Каньэрцзы) для афанасьева необычна, зато встречает неожиданные аналогии в Осинкинском могильнике на Алтае, датированном автором раскопок Д.Г.Савиновым X–VIII вв. до н. э. [Савинов Д.Г., 1975, с. 98–99]. Там так же, как и в Кээрмуци, вне могил найдено четыре попарно расположенных вверх дном яйцевидных сосуда, один из которых украшен по венчику кривой сеткой между двумя рядами жемчужника, а ниже, по плечикам, наклонными лесенками (см. рис. 1: 11). По Н.Л. Членовой, дата этого сосуда с “косо поставленными заштрихованными полосами, типичными для ирменско-большереченских памятников”, “скорее VII, чем VIII–VII вв. до н. э.” [Членова Н.Л., 1994, с. 35]. Правда, в Туруновке-4, на которую она ссылается, кривая сетка и наклонные лесенки, судя по публикации, встречаются порознь, а горшки плоскодонные [Молодин В.И., 1985, с. 156–158].

Другая пара горшков из Осинкинского могильника – “митровидная”, круглодонная, причем один сосуд украшен по венчику тремя рядами ямочных вдавлений вертикальной палочкой (см. рис. 1: 13), чем близко напоминает образец из Кээрмуци (ср. рис. 1: 5,6). Стоит сразу заметить, что сосуды из Осинкинского могильника с диаметром по венчику около 35 см и высотой 50–60 см гораздо крупнее, чем их аналоги из Синьцзяна. Близкий к одному из китайских по размерам и тождественный по форме и орнаменту горшок (рис. 1: 14) обнаружен вместе со створкой литейной формы для кельта-лопатки (рис. 1: 15) и медной пластиной летом 1976 г. в погребении в каменном ящике из разрушенного кургана в с. Озерном Онгудайского района Республики Алтай [Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с. 80; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 59–60; Кубарев В.Д., 1988, с. 80–81].

Бронза и каменный инвентарь. В свете находки из Озерного весьма примечательно открытие в Кээрмуци в пределах оградки М17, но вне расположенных там погребений в каменных ящиках группы из семи литейных принадлежностей. В нее входят две створки каменной литейной формы для кельта-лопатки с круглой, выступающей за пределы лопасти втулкой с боковой петелькой (см. рис. 1: 7,8) и две непарных (возможно, незаконченных) створки для отливки шила и тесла (по мнению китайских археологов – кинжала) (см. рис. 1: 9,10). Фигурирующая у Ю.А. Заднепровского “головка ложки” – результат буквального перевода составных частей китайского термина “*бишоу*” – “кинжал” [Заднепровский Ю.А., 1992, с. 120]. Петелька на втулке у каменной литейной формы образована не кольцевым сверлением, а рядом соединенных между собой радиальных пропилов. В той же технике оформлены петельки на негативе втулки у литейных форм некоторых копий и кельтов сейминского типа из Ростовки и с Иртыша [Черных Е.Н. Кузьминых С.В., 1989, с. 55, 75]. П.М. Кожин прямо связывает появление кельтов-лопаток с сейминской традицией [Кожин П.М., 1993, с. 19–23], хотя надо отметить, что

изделия из Ростовки и отличаются от китайских [Матющенко В.И., Сеницына Г.В., 1988, с. 26, 41].

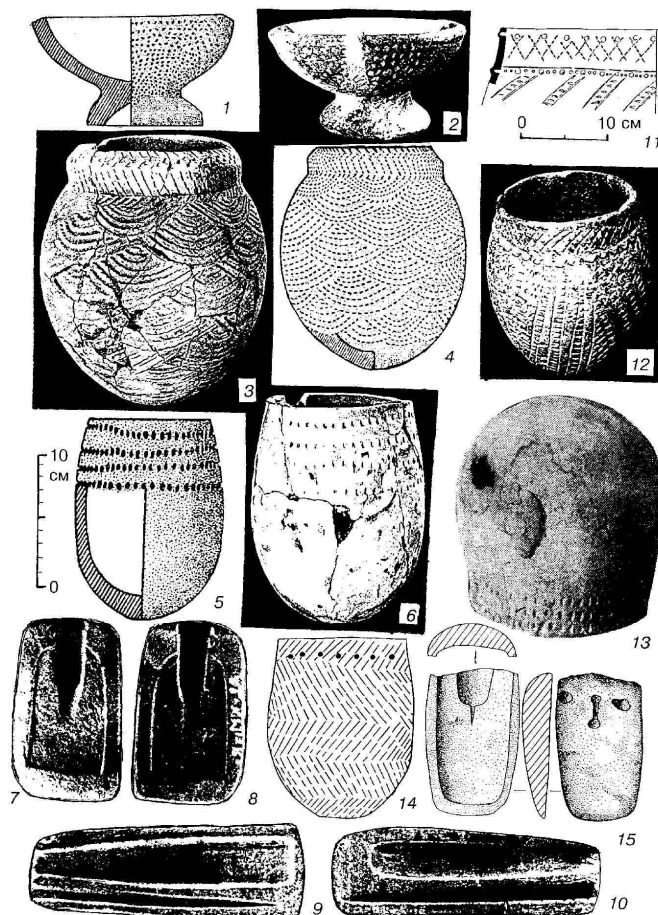

Рис. 1. “Афанасьевские” древности из Синьцзяна и их аналоги.

1-10 – из Кээрмуци (Цемурцек) в уезде Алтай (1, 2 – из погребения в большом каменном ящике М24; 3-6 – из оградки М16, но вне погребений; 7-10 – из оградки М17, но вне погребений); 12 – из Сыдуйтуцю (Каньэрцзы) в уезде Цитай; 11, 13 – из Осинкинского могильника в Усть-Пристанском районе Алтайского края; 14, 15 – из кургана у с.Озерное в Онгудайском районе Республики Алтай. 1-6, 11-14 – керамика, 7-10, 15 – камень. Пары 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6 изображают одно и то же изделие. Все прорисовки, кроме 11, даны в одном масштабе. Масштаб фонографий разный. 11 – по Н.Л.Членовой, 13 – по Д.Г.Савинову, 14, 15 – по В.Д.Кубареву. Масштабирование выполнено автором.

В Китае кельты-лопатки с выступающей за пределы лопасти втулкой появляются в начале эпохи Инь (XIII в. до н. э.) и доживают до ханьского времени,

до первых веков нашей эры. Правда, тогда их отливают уже не из бронзы, а из железа. Втулки всех китайских лопаток в сечении прямоугольные и без петелек. Исключение составляют только семь самых ранних экземпляров, происходящих из могилы Фу-хао на Иньском городище в Аньяне, втулки которых хотя и лишены ушек, но в сечении круглые или овальные [Могила Фу-хао, 1980, с. 103. Илл. LXVII]. Для древесины гроба из могилы Фу-хао, одной из жен иньского вана У-дина, правившего по так называемой исправленной исторической хронологии Аньяна в конце XIII – начале XII вв. до н. э., получена радиоуглеродная дата ZK-881, равная 1205 ± 140 лет до н. э. (для уточненного периода полураспада $C-14=5730$ лет, но без учета дендрохронологической калибровки) [Радиоуглеродное датирование, 1983, с. 80].

Поскольку кельты-лопатки, да еще столь развитой формы, для афанасьевской культуры не характерны, то встречающиеся вместе с ними яйцевидные сосуды из Синьцзяна следует признать принадлежностью какой-то другой культуры эпохи развитой, а может даже, и поздней бронзы. На это же указывает и относительно поздняя дата их алтайских аналогов из Осинкинского могильника и с. Озерное. Керамический баночный сосуд из Кээрмуци, найденный в коллективном погребении в большом каменном ящике M7M1 вместе с шестью каменными горшками, четырьмя кремневыми и одним бронзовым наконечниками стрел и бронзовым изделием непонятного предназначения, вопреки утверждению Ю.А.Заднепровского, вовсе не похож на афанасьевский. Он украшен по венчику пояском орнамента, состоящего из наклонных резных линий и рядов треугольных наколов (рис. 2:1).

Ссылка Ю.А. Заднепровского на кремневые наконечники стрел, обнаруженные в Кээрмуци, также не может служить веским аргументом для афанасьевской атрибуции памятника. Стрелы этих нескольких разных типов – миндалевидные с прямым или слегка вогнутым основанием или с выделенным черешком и треугольные с черешком (см. рис. 2: 2), характерны не только для афанасьева, но и для иных, более поздних культур эпохи бронзы [см. напр., Молодин В.И., 1985, с. 40–41]. Особенно разителен контраст частоты встречаемости каменных наконечников. В Кээрмуци 18 изделий приходится на 20 погребений в больших каменных ящиках, что несопоставимо с только 6 стрелами со всей Минусинской котловины, приходящимися на 309 раскопанных там к середине 80-х годов афанасьевских могил [Вадецкая Э.Б., 1986, с. 16, 18]. В пятом, афанасьевском слое стоянки Тоора-Даш в Туве найдено 3 целых кремневых наконечника стрел и 7 их обломков и заготовок. В более позднем шестом слое той же стоянки обнаружено 9 целых наконечников и 39 их обломков и заготовок [Семенов В.А., 1992, с. 33–34].

Все кремневые наконечники стрел в Кээрмуци найдены в телах погребенных в больших каменных ящиках. Для инвентаря этих могил характерны многочисленные каменные круглодонные сосуды закрытых форм. Единичные каменные сосуды известны и в Южной Сибири [Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В., 1997, с. 167–171], однако ближайшие соответствия изделия из Кээрмуци находят в памятниках типа Наньшаньгэнь M101 – Сяохэйшигоу из района уезда Нинчэн в провинции Ляонин КНР [Погребение в каменном ящике, 1973, с. 30, 35; Сянь Чуньсун, Ли И, 1995,

с. 15–17, 19–20]. Там аналогичные формы посуды отливали из бронзы. Особенно показательно сходство таких ритуальных предметов из обоих районов, как двойные сосуды под выпуклой крышкой, имитирующие женскую грудь (см. рис. 2: 4,6,8) и встречающиеся вместе с ними ковши с прямой фалломорфной ручкой (см. рис. 2: 3,5,7).

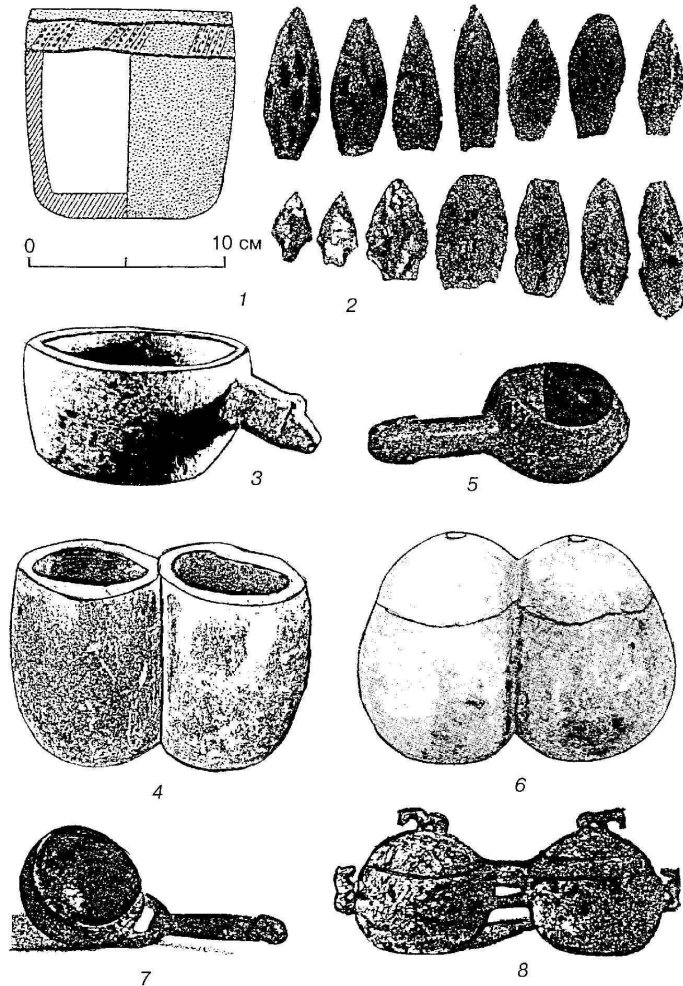

Рис. 2. Древности из Кээрмуци (Цемурцек) и их аналоги.

1-4 – из Кээрмуци (Цемурцек) в уезде Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района (1 – из погребения в каменном ящике М7м1; 2 – из разных погребений, в том числе шесть наконечников стрел – из погребений М7м1 и М7м2, точное распределение по могилам неизвестно; 3 – из оградки М16, но вне погребений; 4 – из погребения в каменном ящике М3); 5-6 – из погребения в каменном ящике в Сяохэйшигоу уезда Нинчэн пров. Ляонин; 7-8 – из погребения в каменном ящике М101 в Наньшаньгэнь уезда Нинчэн пров. Ляонин. 1 – керамика, 2-4 – камень, 5-8 – бронза. Масштаб фотографий разный.

Памятники типа Наньшаньгэнь М101 – Сяохэйшигоу обычно датируют концом Западного Чжоу, т. е. IX–VIII вв. до н. э. Захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци в ряде случаев перекрыты сверху или нарушены впускными могилами раннескифского времени – VII–VI вв. до н. э. [Варенов А.В., 1997, с. 41–42], что в сочетании с данными по Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу и определяет верхнюю хронологическую границу их бытования. Конструкция могильных сооружений и погребальный обряд также не дают оснований для прямых сопоставлений с афанасьевской культурой захоронений в больших каменных ящиках из Кээрмуци, датирующихся, скорее всего, XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н. э. Впрочем, более точное определение их культурно-хронологической принадлежности – отдельная большая проблема.

Вышеизложенное заставляет с осторожностью подходить к безоговорочному включению всего Северного Синьцзяна в ареал распространения классической афанасьевской культуры.

Эпоха поздней бронзы

С давних пор среди археологов, занимавшихся эпохой поздней бронзы Сибири, Средней и Центральной Азии, принято было уповать на малоисследованные просторы Восточного Туркестана в плане решения проблемы происхождения и/или распространения карасукской культуры. Но изделий карасукского облика среди находок в Синьцзяне всегда было на удивление мало. Ситуация начала немного исправляться только в самое последнее время.

“Карасукские” ножи и кинжалы. В мае 1982 г. в коммуне Хуаюань (“Сад” или “Цветущий сад”), что в 3–4 км к югу от окраины города Хами (Кумул), центра одноименного уезда, уйгурский крестьянин Тохути Нияцзы (Тохты-Нияз?) при рытье ямы в огороде на глубине 4 м обнаружил два бронзовых ножа, бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы листовидной формы (см. рис. 3: 3), плоский подпрямоугольный точильный камень со сквозным отверстием на конце и фрагменты красно-бурой керамики [Ван Бинхуа, 1986, с. 887–888]. Один из этих ножей крупный, дугообразнообушкового типа, с отделенной от лезвия шипом рукоятью, увенчанной головкой горного козла (см. рис. 3: 1). Другой нож гораздо меньше, с “хвостатым” выгнутообушковым клинком и рукоятью с миндалевидным отверстием (см. рис. 3: 2). Еще один крупный бронзовый дугообразнообушковый нож с выделенным шипом-гардой и кольцевым навершием рукоятки найден в уезде Токэсунь (Токсунь) (см. рис. 3: 7) [Му Шуньин, 1993, с. 80, 185].

Следует упомянуть еще два ножа из Синьцзяна, опубликованных С.В.Киселевым в 1960 г. и с тех пор кочующих по отечественной археологической литературе в качестве “карасукских” [Киселев С.В., 1960, с. 261]. Они были найдены в 1958 г. в уезде Синьюань (старое название – уезд Гуннайсы) при рытье арыка на р. Чабухахэ, что в верховьях р. Гуннайсы (Конайс) солдатами-строителями Синьцзянского военного округа [Ши Шудин, 1960, с. 7]. Один из них коленчатый, с бараньеголовым навершием. Решетчатый орнамент на противоположных сторонах

его плоской прямой ручки несколько различается, поэтому мы приводим оба варианта прорисовки (см. рис. 3: 8,9). Другой нож из уезда Синьюань – пластинчатый, с обособленной желобчатой рукоятью, украшенной узором наклонных рельефных линий (см. рис. 3: 10). На севере Синьцзяна, в китайской части Алтая, в верховьях Иртыша встречено два “карасукских” кинжала с шипами и овальной в сечении рукоятью со щелью и с грибовидным навершием [Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 25, 87]. Один из них найден в 1984 г. в волости Саэрбулакэ (Сарбулак) уезда Хабахэ (рис. 3: 6), другой – в 1986 г. в уезде Цинхэ (рис. 3: 4).

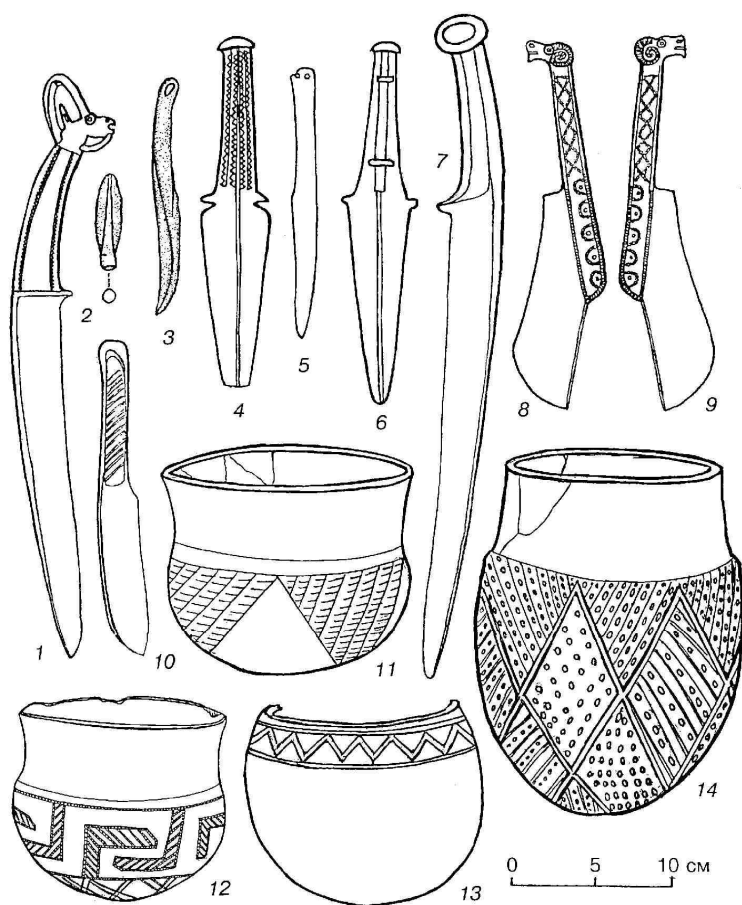

Рис. 3. Изделия “карасукского” облика из Синьцзяна.

1-3 – из Хуаюань в уезде Хами (Кумул); 4 – из уезда Цинхэ; 5-6 – из волости Саэрбулакэ (Сарбулак) уезда Хабахэ; 7 – из уезда Токэсунь; 8-10 – из Чабухахэ уезда Синьюань (Гуннайсы, т.е. Конайс); 11 – из Куижэкэбайдэнколасы (Куйжэкбайдэнколас?) уезда Фухай; 12-13 – из деревни Куси (Кусицунь) в волости Авэйтань уезда Алтай; 14 – из Кээрмуци

(Цемурцек) уезда Алтай – случайная находка, сделанная не при раскопках; 8, 9 – одно и то же изделие. 1-10 – бронза, 11-14 – керамика. Все, кроме 2, 3 – прорисовки с фотографий. Все прорисовки и масштабирование выполнены автором.

Дандыбаевская керамика. Керамики, близкой по облику к карасукской, в Восточном Туркестане известно едва ли не меньше, чем соответствующих бронзовых изделий. О яйцевидных сосудах из Кээрмуци, сравнивавшихся различными исследователями и с “классической афанасьевской”, и с карасукской посудой, мы уже писали. Кроме того, в 1994 г. в китайской части Монгольского Алтая, в верховьях Иртыша было обнаружено еще четыре бомбовидных горшка [Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 88–91]. Один из них – черной керамики, покрытый резным орнаментом, образующим “подвешенные” треугольники – происходит из местности Куижэкэбаидэнколасы в уезде Фухай (см. рис. 3: 11). Еще два сосуда – один, изготовленный из желто-серой на поверхности, но черной в изломе керамики, покрытый геометрическим орнаментом из оттисков гребенчатого штампа или зубчатого ролика (см. рис. 3: 12) и другой, черной керамики со штампованным или прочерченным узором зигзага по венчику (см. рис. 3: 13) – встречены в деревне Куси (Кусицунь), что в волости Авэйтань соседнего уезда Алтай. Наконец, четвертый бомбовидный сосуд соломенно-желтого цвета, тулово которого сплошь покрыто прочерченным орнаментом, образующим ромбы и треугольники с заполняющими их ямками от оттисков палочки, найден случайно, а не вовремя раскопок на могильнике Кээрмуци (Цемурцек) в том же уезде Алтай (см. рис. 3: 14). Все эти горшки ручной лепки, с шаровидным туловом, круглодонные или с небольшим плоским дном и неорнаментированным цилиндрическим горлом, часто с отогнутым наружу венчиком, могут быть сопоставлены с керамикой бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана и датируются, скорее всего, XI–IX вв. до н. э. [Маргулан А.Х., 1979; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 127–131].

Оленные камни. Первый оленный камень на территории КНР был обнаружен осенью 1984 г. близ древнего могильника Цялагээр (иной вариант транскрипции – Цяэргээр, т. е. Цялгер или Цяргер), что на юге волости Туэрхун (Турхун) в уезде Фуюнь (Кёктокай) Синьцзян-Уйгурского автономного района (рис. 4: 1) [Чжао Янфэн, 1987, с. 118–120]. К середине 90-х годов по подсчетам китайских археологов, в Восточном Туркестане было известно не менее 37 оленных камней [Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 91–92]. Распространены они исключительно в китайской части Монгольского Алтая, в двух соседних уездах Цинхэ (12 пунктов) и Фуюнь (5 пунктов) и локализованы в межгорных котловинах, в ущельях и на предгорных участках местности, в основном к востоку от расположенных поблизости каменных насыпей курганов. В силу этого китайские исследователи относят оленные камни к надмогильным памятникам. Однако, поскольку раскопки этих “курганов” не производились, на поверку они вполне могут оказаться керексурами, сочетание которых с оленными камнями столь характерно для Алтая [Кубарев В.Д., 1979, с. 36–41]. В настоящее время китайские археологи, вслед за учеными других стран, в первую очередь российскими исследователями, считают оленные камни изображениями людей-воинов. Все оленные камни они делят на три типа: 1 – с реалистическими изображениями животных, 2 – “типичные” оленные камни со

стилизованными изображениями животных, (см. рис. 4: 2), и Ш – “атипичные” оленные камни без изображений животных (см. рис. 4: 3). “Атипичных” камней “общеевразийского” стиля, без изображений животных, найдено в Китае больше всего.

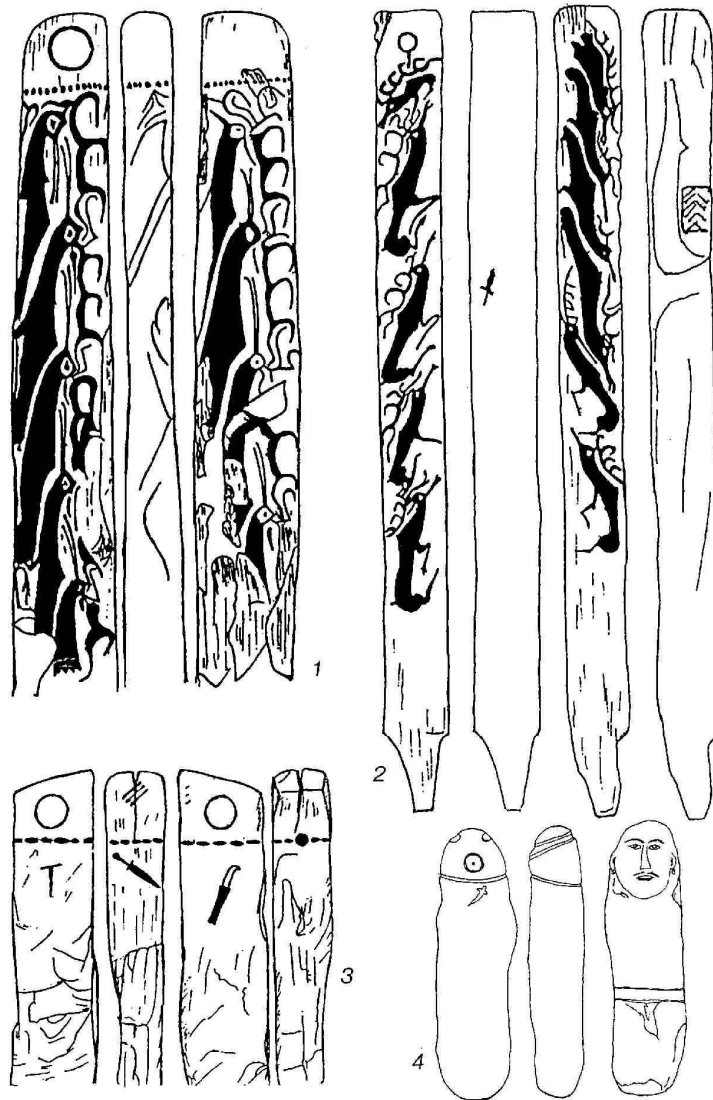

Рис. 4. Оленные камни из Синыцзяна.

1 – из Цялагээр (Цяэргээр, т.е. Цялгэр или Цяргэр) в волости Туэрхун (Турхун) уезда Фуюнь (Кектокай); 2 – с могильника Шэбаэркулэ (Шебаркуль) в уезде Цинхэ; 3 – с могильника Тасыгэсаи (Тасцай?) в уезде Цинхэ; 4 – из Синьдигоу в уезде Цзимусаэр (Цзимусар). 4 – переоформлен в древнетюркское каменное изваяние. Масштаб разный.

Мне удалось выявить еще два неучтенных экземпляра таких памятников, причем в принципиально новом районе – не на Алтае, а на северном склоне восточной оконечности Тянь-Шаня, в местности Синьдигоу уезда Цзимусаэр (Цзимусар), что примерно в 350 км к югу от зоны распространения остальных синьцзянских оленных камней, по другую сторону Джунгарской котловины. Они переоформлены в древнетюркские каменные изваяния (рис. 4: 4) и в качестве таковых фигурируют в китайской публикации [Су Бэйхай, 1994, с. 591]. Ю.С. Худяков упоминает об экспонировавшемся в Историческом музее Синьцзян-Уйгурского автономного района в г. Урумчи древнетюркском каменном изваянии, изготовленном из оленного камня, но без указания на место его находки [Худяков Ю.С., 1995, с. 10]. Возможно, это один из камней из уезда Цзимусаэр. Не столь многочисленные оленные камни II типа, со стилизованными изображениями животных, соответствуют стелам монголо-забайкальского стиля.

Рис. 5. Стела с изображениями быков эпохи бронзы. Из Акэтубай в волости Кээрмуци (Цемурцек) уезда Алтай. Возможно, переиспользована в скифское и / или древнетюркское время.

Единственный известный в Синьцзяне оленный камень I типа, с “реалистическими изображениями животных”, происходит из района Акэтубай, что в волости Кээрмуци (Цемурцек) уезда Алтай. По мнению китайских археологов, он

переоформлен в древнетюркское каменное изваяние и относится ими к оленным камням саяно-алтайского стиля. Мне кажется, что эта стела вообще причислена к оленным камням ошибочно. Она представляет собой вертикально стоящую плоскую подпрямоугольную каменную плиту, на широкой грани которой одно под другим нанесены несколько крупных изображений быков с направленными вперед изогнутыми рогами. Фигуры быков перекрыты разбросанными там и сям углублениями-ямками, а верх плиты оформлен в виде человеческой головы с четко обозначенным лицом и висящей ниже него на шее пекторалью (рис. 5). Очевидно, что данная стела была создана в эпоху бронзы и переиспользована позже, возможно, не только в древнетюркское, но и в скифское время. Территориально и композиционно ближайшим ее аналогом является плита из пос.Озерного в Горном Алтае [Молодин В.И., Погожева А.П., 1990]. Правда, стилистически изображения животных на двух памятниках несколько различаются. Что касается углублений-ямков, то они представляют собой микроформы карстового рельефа, известные среди специалистов как лунковые карры. Видимо, аналогично по происхождению и большинство углублений на так называемых “чашечных камнях” [Кубарев В.Д., 1986], поскольку микрокарры, как желобковые, в виде мелких и узких, в 2–3 см, параллельных желобков, так и лунковые, в виде сферических углублений диаметром до 6 см и глубиной 1–2 см, особенно характерны для долины р. Чуи в Горном Алтае [Гвоздецкий Н.А., 1972, с. 159–160].

Датировка и распространение “карасукских” находок в Синьцзяне. Комплексы с козлиноголовыми ножами обнаружены на территории Китая в Чаодаогу уезда Цинлун пров. Хэбэй [Чжэн Шаоцзун, 1962, с. 645], в Яньтоуцунь уезда Суйдэ пров. Шэньси [Хэй Гуан, Чжу Цзеюань, 1975, с. 82], в Цзинцзецунь уезда Линши пров. Шаньси [Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ, 1986, с. 14], в могиле Фу-хао в Аньяне, пров. Хэнань [Могила Фу-хао, 1980, с. 103], в погребении НРКМ 1311 из Хоуцзячжуана, тоже в Аньяне [Ли Цзи, 1949, с. 35], на стоянке Ваньюцзе уезда Факу пров.Ляонин [Пэй Юэцзюнь, Сюй Чжиги, Цао Гуйлинь, Чжоу Сяньюн, 1990, с. 39], и в виде ряда случайных находок. Все перечисленные комплексы надежно датируются эпохой Шан-Инь, т. е. XIII–XI вв. до н. э. При их анализе обращает на себя внимание прежде всего то, что ножи с козлиноголовыми наконечниками включены в разнокультурный контекст – столичный иньский в Аньяне, провинциальный иньский в Цзинцзецунь, в памятники двух сильно отличающихся друг от друга соседей иньцев с так называемой “варварской периферии” в Яньтоуцунь и Чаодаогу.

Если учесть еще соответствующие находки из Забайкалья и Минусинской котловины, то получится, что они как бы охватывают с разных сторон территорию Монголии. Не там ли лежал исконный центр распространения ножей с выделенным шипом-гардой и козлиноголовым наконечником? В литературе уже высказывалось мнение об их принадлежности к культуре херексуров и оленных камней [Худяков Ю.С., 1993, с. 69–70]. Правда, в таком случае еще следует надежно доказать существование этих последних в XIII–XI вв. до н. э., синхронно с Инь. В изделиях из Хуаюань в уезде Хами очень заманчиво увидеть “чистый” комплекс такой культуры. Но риск ошибиться, учитывая широкую территориальную распространенность

рассматриваемых ножей и, видимо, их достаточно легкую транскультурную миграцию, все же слишком велик, особенно если учесть, что оленные камни в Китае действительно встречены, но в иных районах, чем козлиноголовые ножи и кинжалы.

Два ножа из уезда Синьюань (Конайс), что в верховьях р. Или, находятся далеко на запад от остальных “карасукских” бронз Синьцзяна. Ю.А. Заднепровский, обратившийся при тщательном описании этих ножей помимо статьи С.В. Киселева и к китайской публикации, неправильно прочитал название уезда как Кунгес и по ошибке решил, что речь идет о двух разных находках (по два ножа в каждой) [Заднепровский Ю.А., 1992, с. 121–122]. Прямые соответствия коленчатому ножу мне не известны. Как близкие аналоги другому изделию из Конайса, Ю.А. Заднепровский привел ножи из с. Воронцовка в Чуйской долине Киргизии, клада Садовое и с Иссык-куля. Впрочем, еще С.В. Киселев отметил, что данный нож из Синьцзяна “совершенно аналогичен ножам, характерным для так называемого Казахстанского очага бронзовой культуры карасукского времени (конец II и начало I тыс. до н. э.)” [Киселев С.В., 1960, с. 265]. Е.Е. Кузьмина также датирует их эпохой поздней бронзы – концом II – началом I тыс. до н. э., но подчеркивает принципиальные отличия этих казахстанско-семиреческих ножей от карасукских [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 48].

“Карасукских” кинжалов, подобных синьцзянским, известно довольно много в Восточном Казахстане и Минусинской котловине, есть они на Алтае, в европейской части России и на Украине. В Китае кинжалы с шипами и прямой рукоятью со щелью под грибовидным навершием до этого были обнаружены только в окрестностях Пекина – в оружейном кладе из местечка Сяохэнань уезда Синлун пров. Хэбэй [Чжэн Шаоцзун, 1994, с. 106–108; Ван Фэн, 1990, с. 57–58] и в погребениях М2 и М3 могильника Байфу уезда Чанпин Пекинского округа [Важное достижение археологии, 1976, с. 251–254]. Эти памятники датируются ранней порой Западного Чжоу, т. е. концом XI–X вв. до н. э. По типологической схеме, разработанной Н.Л. Членовой, короткие кинжалы с широким треугольным клинком (такие, как в Синьцзяне) древнее, чем их более “стройные” собратья из-под Пекина, и должны существовать “в пределах XI–VIII вв. до н. э.,” причем “более вероятным временем бытования кинжалов I группы представляется конец этого периода” [Членова Н.Л., 1976, с. 18]. Соответственно, московская исследовательница предприняла попытку пересмотреть хронологию Байфу (материалы Сяохэнань тогда еще не были опубликованы) в сторону омоложения, придя к дате “X–VIII вв. до н. э., причем VIII в. вероятнее, чем X в.” [Членова Н.Л., 1991, с. 38].

Эта попытка встретила возражения со стороны С.В. Хаврина [Хаврин С.В., 1994, с. 107–108]. К его аргументам можно добавить предпринятое мной обоснование датировки комплекса из Сяохэнань, в целом синхронного Байфу [Варенов А.В., 1994а, с. 39–47; Варенов А.В., 1996, с. 31–37] и то соображение, что Байфу обязан быть существенно древнее, чем памятники типа Наньшаньгэнь М101 – Сяохэйшигоу, поскольку для ряда категорий бронзовых изделий последних Байфу является исходным пунктом развития [Варенов А.В., 1994, с. 86]. Датировка Нинчэнских памятников IX–VIII вв. до н. э. опирается сейчас не только на

многочисленные китайские аналогии, но и на параллели с инвентарем погребений в больших каменных ящиках из Кээрмуци, верхняя хронологическая граница сооружения которых определена стратиграфически (см. выше с.64). Следовательно, ошибочно одно из двух предположений Н.Л.Членовой: типологическая схема развития кинжалов с шипами и прямой рукоятью со щелью под грибовидным навершием, или их хронология. Иначе говоря, либо карасукские кинжалы из Синьцзяна по крайней мере не моложе XI–X вв. до н. э., либо “широкие” кинжалы типа синьцзянских появляются позже, чем их более “стройные” собратья из-под Пекина. Особая пикантность ситуации с синьцзянскими кинжалами заключается в том, что вместе с одним из них (из уезда Хабахэ) найден и бронзовый нож не карасукского, а скифского облика, похожего, например, по общим очертаниям на тагарские ножи из Минусинской котловины (рис. 3: 5,6). Напомним, что кинжал того же типа, что и синьцзянские, встречен в погребении 37 Улангомского могильника середины I тыс. до н. э. в Северо-Западной Монголии [Новгородова Э.А., 1989, с. 262]. Объясняя этот “хронологический парадокс”, Н.Л. Членова предположила, что в ряде районов, включая Монголию и Горный Алтай, карасукские вещи могли “доживать” до V–II вв. до н. э. [Членова Н.Л., 1993, с. 65].

Таким образом, известные сейчас “карасукские” бронзы из Синьцзяна распадаются на три территориально обособленных группы: 1) Западную, в верховьях р. Или, X–VIII вв. до н. э., состоящую из двух ножей и не имеющую к карасукской культуре прямого отношения; 2) Восточную – комплекс из Хуаюань в уезде Хами и нож из уезда Токэсунь, XIII–XI вв. до н. э.; 3) Северную – два кинжала из китайской части Монгольского Алтая, XI–VIII вв. до н. э.; Последняя группа синхронна с керамикой бегазы-дандыбаевского облика и, по крайней мере, с частью оленных камней и погребений в больших каменных ящиках из Кээрмуци. Все эти памятники найдены хотя и в разных уездах, но, в общем, в одном районе (Монгольский Алтай – верховья Иртыша). Как они соотносятся между собой, еще предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

Примечание

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 97–01–00108а.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л., 1986.

Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // Памятники неолита и бронзы. КСИА. Вып. 185. – М., 1986а.

Важное достижение археологии в районе Пекина – новые замечания о западножоуских могилах с деревянными камерами в Байфу уезда Чанпин // Каогу, 1976. – №4. (на кит. яз.).

Ван Бинхуа. Раскопки Гумугоу на р. Кунцюэхэ и его предварительное исследование // Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1983. №1. (на кит. яз.).

Ван Бинхуа. Несколько групп бронзовых изделий, найденных в Восточном Синьцзяне // Каогу, 1986. – №10. (на кит. яз.).

Ван Линьшань, Ван Бо. Степные древности Китайского Алтая (Чжунго Аэртайшань цаюань вэньу). – Пекин, 1995. (на кит. яз.)

Ван Фэн. Клад шан-чжоуских бронз, найденный в уезде Синлун пров. Хэбэй // Вэньу, 1990. – №11 (на кит. яз.).

Варенов А.В. Бронзовые шлемы на границе чжоуского Китая и их “кубанские” аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск, 1994.

Варенов А.В. Оружейный клад из Китая с “карасукским” кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири, 1994а. – №3.

Варенов А.В. Древнекитайская археология, эпиграфика и история о конце эпохи Шань-Инь и начале Чжоу // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат-лы IV Всероссийского научного семинара., ч. II. – Новосибирск-Омск, 1996.

Варенов А.В. О скифо-сакском компоненте в могильнике Кээрмуци // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сб. тез. науч. конф. к 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск, 1997.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М., 1988.

Гвоздецкий Н.А. Проблемы изучения карста и практика. – М., 1972.

Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. – №3. – М., 1992.

Заднепровский Ю.А. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие, ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб., 1993.

И Маньбай. Краткое сообщение о раскопках древнего могильника Кээрмуци в Синьцзяне // Вэньу. – 1981. – №1 (на кит. яз.).

Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы научно-практической конф. Вып. VIII. – Барнаул, 1997.

Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА, 1960. – №4.

Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск, 1979.

Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – Вып. В4–9. – М., 1966.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994.

Ли Ци. О древних бронзовых изделиях, найденных в Сяотуне. Ч. 2. Лезвийные орудия // Чжунго каогу сюэбао. – 1949. – Т. 4. (на кит. яз.).

Ли Чжэн. Краткое сообщение о разведке могил с каменными изваяниями в районе Алтая // Вэньу. – 1962. – №7, 8. (на кит. яз.).

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.

Могила Фу-хао на Иньском городище (Иньской фу-хао му). – Пекин, 1980. (на кит. яз.).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.

Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сб. тез. науч. конф. к 35-летию гуманитарного факультета. НГУ. – Новосибирск, 1997.

Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА, 1990. – №1.

Му Шуньин. Древнее искусство Синьцзяна, Китай (Чжунго Синьцзян гудай ишу). – Пекин, 1993 (на кит. яз.).

Му Шуньин, Ван Минчжэ. Материальная культура древних народов Синьцзяна (Синьцзян гудай миньцзу вэньу). – Пекин, 1985 (на кит. яз.).

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979.

Погребение в каменном ящике в Наньшаньгэнь уезда Нинчэн // Каогу сюэбао. – 1973. – №2. (на кит. яз.).

Пэй Юэцзюнь, Сюй Чжиго, Цао Гуйлинь, Чжоу Сяньюн. Отчет о раскопках стоянки Ваньлюцзе в уезде Факу // Ляохай вэньу сюэкань. – 1990. – №1. (на кит. яз.).

Радиоуглеродное датирование в китайской археологии. 1965–1981.(Чжунго каогусюэ чжун таньшиси няньдай шуцзюйцзи. 1965–1981). – Пекин, 1983 (на кит. яз.).

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

Семенов Вл.А. Памятники афанасьевской культуры в Саянах // СА. – 1982. – №4.

Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб, 1992.

Семенов Вл.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. Вып.4. – СПб., 1993.

Су Бэйхай. Петроглифы Синьцзяна (Синьцзян яньхуа). – Урумчи, 1994 (на кит. яз.).

Сюэ Цзунчжэн. Неолитические стоянки и древние могилы, открытые в уезде Цитай в Синьцзяне // Каогусюэ цзикань. Вып.2. – Пекин, 1982 (на кит. яз.).

Сянь Чуньсун, Ли И. Отчет о разведке и раскопках погребения в каменном ящике из Сяохэйшигоу в уезде Нинчэн // Вэньу. – 1995. – №5 (на кит. яз.).

Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ. Шанские могилы в Цзинцзецунь уезда Линши пров. Шаньси // Вэньу. – 1986. – №1 (на кит. яз.).

Хаврин С.В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. Вып.8. – СПб., 1994.

Хань Кансинь. Исследование человеческих останков из могильника Гумугоу на р. Кунцюэхэ в Синьцзяне // Каогу сюэбао. – 1986. – №3 (на кит. яз.).

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

Хэй Гуан, Чжу Цзеюань. Клад шанских бронз, найденный в Яньтоуцунь уезда Суйдэ пров. Шэньси // Вэньу. – 1975. – №2 (на кит. яз.).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М., 1989.

Чжао Янфэн. Петроглифы Китайского Алтая (Чжунго Аэртайшань яньхуа). – Сиань, 1987. (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцун. Группа бронз, найденная в Чаодаогу уезда Цинлун пров. Хэбэй // Каогу. – 1962. – №12 (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцун. Сообщение об открытии бронз северного стиля в Сяохэнань уезда Синлун пров. Хэбэй // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск, 1994 (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М., 1976.

Членова Н.Л. Находки комплексов с кинжалами карасукского типа в северных районах Китая, их датировка и связи с Севером и Западом // Инф. бюлл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып.18. – М., 1991.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник, вып.8. – СПб., 1993.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994.

Ши Шуцин. Записки о разведке синьцзянских древностей // Вэньу. – 1960. – №6 (на кит. яз.).

© 1998 г. *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

СКИФСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КИТАЙСКОЙ ЧАСТИ АЛТАЯ

А.В. Варенов

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

<http://new.hist.asu.ru/skif/pub/skep/vareno.html>

*A.V. Varyonov (Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography)
Scythian materials from the chinese part of Altai*

Важнейшим из известных сейчас памятников китайской части Алтая в Северном Синьцзяне и единственным, хотя бы частично раскопанным и опубликованным, является Кээрмуци (в одном из последних китайских изданий принят иной вариант транскрипции этого топонима - Цемуэрцекэ, т.е. Цемурцек или Чемурчек). Он расположен в 12 км к юго-западу от уездного центра - города Алэтай (Алтай). Могильник Кээрмуци был открыт в ходе археологической разведки по поиску и описанию древнетюркских каменных изваяний летом 1961 г., и именно благодаря их присутствию (Ли Чжэн, 1962). Раскопки производились во второй половине 1963 г. под руководством И Маньбая и Ван Минчжэ. Первыми исследователями могильник был признан разновременным и разнокультурным и на основе не всегда оправданных китайских аналогий датирован тысячелетием от эпохи Западной Хань (III в. до н.э.) до эпохи Тан (VII в. н.э.) (И Маньбай, 1981, с. 32).

По мнению отечественных авторов, некоторые из находок в Кээрмуци "предполагают более раннюю дату, быть может, они относятся к эпохе бронзы. Так, помимо круглодонных лепных сосудов (датировка которых может быть и поздней) здесь найдены каменные и костяные наконечники стрел, бронзовый нож и, что особенно интересно, две литейные формы..." (Восточный Туркестан, 1988, с. 148-149). Три последние категории вещей обнаружены в пределах оградки М17, где, по Ю.А. Заднепровскому, "был похоронен литейщик-металлург бронзового века" (Заднепровский Ю.А., 1992, с. 120). Однако данный комплекс описан у петербургского автора с таким количеством ошибок и неточностей, что вернуться к М17 еще раз просто необходимо. К тому же, по нашему мнению, хотя древности эпохи бронзы и тюркского времени в Кээрмуци действительно присутствуют, именно опубликованное Ю.А. Заднепровским погребение относится к раннему железному веку.

Длина оградки М17, образованной из прерывистого ряда камней, 20,8 м с запада на восток, ширина - 12,1 м с севера на юг, высота над поверхностью земли - 10- 20 см (рис. 1). У восточной стенки оградки три довольно высоких и толстых вертикально стоящих камня со сломанными верхушками, возможно, по мнению китайских авторов, остатки каменных изваяний. Одно из них, AL.K.TA.14, что примерно в 5 м восточнее небольшого подквадратного каменного ящика с длиной стенки около 0,5 м (рис. 1.-3), отмечено в отчете 1962 г. В западной части оградки расположен каменный ящик размерами 1,4x1,62 м, глубиной 0,7 м и с ориентацией

по азимуту 20', сделанный из правильных плит толщиной около 30 см, получивший индекс М17м1 (рис. 1.-1). В него впущен по диагонали из северо-восточного к юго-западному углу собранный из камней разной величины прямоугольный ящик длиной 1,8 м и шириной 0,6-0,3 м с лежащим внутри него вытянуто на груди, лицом вниз, головой на северо-восток человеком. Никакого сопроводительного инвентаря ни в основном, ни во впускном ящиках нет.

В центре оградки М17, под слоем беспорядочно насыпанных камней помещается другой каменный ящик, получивший индекс М17м2, с размерами 2,3х1,04 м, глубиной 1,28 м и ориентацией по азимуту 22', перекрытый сверху тремя каменными плитами (рис. 1.-2). В земляном заполнении в верхней части этого ящика найдено два костяных наконечника стрел, а на глубине 60 см от устья могилы полный человеческий скелет, лежащий в скорченном положении на боку с согнутыми конечностями, головой на восток. К северу от черепа стоял керамический горшок, южнее левой руки помещался небольшой бронзовый нож, у верхней оконечности бедренной (а не большой берцовой, как сказано у Ю.А. Заднепровского) кости - бронзовый наконечник стрелы, другой - в районе шва на стыке тазовой кости и копчика, устьем втулки, в которой сохранились остатки древка, в сторону талии погребенного, так что этот наконечник, скорее всего, и послужил причиной смерти. У Ю.А. Заднепровского вместо последней фатальной стрелы фигурируют "костяная миска" (результат дословного перевода китайского анатомического термина "гупэнь" - "тазовая кость"), "проушина топора и часть головной шпильки". В том же каменном ящике, в 30 см ниже скорченного погребения, найдено четыре каменных сосуда и большое количество костяков (судя по черепам - от 20 человек), заполнявших все пространство могилы в три слоя. Ю.А. Заднепровский, вслед за китайскими авторами, интерпретирует их как принесенных в жертву рабов, "сопровождающих хозяина".

Литейные принадлежности обнаружены с внешней стороны ящика М17м1, у южной оконечности его восточной стенки, на глубине 20 см. Данная группа находок включает семь каменных изделий: две створки литейной формы для кельта-лопатки, две непарных створки для отливки шила и тесла (у китайских авторов - кинжала, а у Ю.А. Заднепровского - "головки ложки", из-за дословного перевода китайского термина "бишоу" - "кинжал"), коническую воронку, маленькую чашу бо и маленькую ступку (у Ю.А. Заднепровского - "каменную ложку"). На литейных формах нет каналов для выхода газов, сердечников, следов использования, поэтому китайские археологи считают их заготовками-полуфабрикатами или специальными погребальными моделями. В 1,2 м к юго-западу от каменного ящика М17м2, под почвенным слоем найдена мелкая яма с разрозненными костями черепа и конечностей человека, которую китайские исследователи и Ю.А. Заднепровский называют "сопутствующим захоронением". Однако, поскольку М17м1 и М17м2 разделяет, судя по плану, всего около 2,5 м (см. рис. 1), то между литейным инвентарем и мелкой ямой с костями расстояние оказывается чуть больше 1 м, и не исключено, что эти лежащие на одной глубине объекты принадлежат к одному комплексу - погребению литейщика эпохи бронзы. А то, что фигурирует под данным именем у Ю.А. Заднепровского, представляет собой странный гибрид, состоящий из

описания каменных конструкций М17м1 и содержимого ящика М17м2. Очевидно, что скорченное погребение из последней могилы никакого отношения к литейным формам не имеет. Не относится оно и к бронзовому веку.

Костяные черешковые наконечники стрел из заполнения М17м2 трехгранные, с остролистым пером, обрезанным под острым углом к уплощенному черешку так, что образуются жальца (рис. 2.-2). Они существовали в близлежащих районах Сибири и Казахстана в эпоху бронзы и раннего железа (Иванов Г.Е., 1987, с. 13). Датировка костяных черешковых наконечников стрел считается затруднительной (Молодин В.И., Новиков А.В., Кан Ин-ук, 1997, с. 144), зачастую их вообще не рассматривают как датирующий материал (Новикова О.И., 1997, с. 131). Однако ряд авторов дает костяным черешковым наконечникам стрел, аналогичным найденным в Кээрмуци, более узкую раннескифскую дату. Со ссылкой на монографию А.Д. Грача (Грач А.Д., 1980), они пишут: "Костяные черешковые наконечники VII - нач. VI вв. до н.э. на Алтае и в Туве имеют ряд характерных особенностей, отличающих их от пазырыкских и саглыньских второй половины VI-III вв до н.э. Головки раннескифских наконечников по направлению к острию в первой половине своей длины зачастую несколько расширяются, а переход к острию происходит резко, как правило, во второй половине длины головки или у начала последней трети" (Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М., 1997, с. 127). Бронзовый прямой однолезвийный пластинчатый нож с отверстием в рукояти (рис. 2.-1) характерен для скифского времени, начиная с VII-VI вв. до н.э., и встречается, например, в пазырыкской культуре Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1991, с. 69-70; Кубарев В.Д., 1992, с. 53-54).

Из четырех бронзовых наконечников стрел, найденных в Кээрмуци, три охарактеризованы в отчете о раскопках как трехгранные, а четвертый, плоский, ромбической формы, но тонкий "как бронзовый листок" был настолько необычен для Китая, что у местных археологов даже возникло сомнение, а стрела ли это вообще (И Маньбай, 1981, с. 28). Реально этот наконечник относится к двухлопастным втульчатый листовидным с выступающей втулкой и шипом (рис. 2.-4). Наконечники такого типа бытуют в Южной Сибири (где они датируются VII-VI вв. до н.э.), в том числе и на Алтае (скорее, в лесостепной, чем в горной части) (Кочеев В.А., 1995, с. 95-96; Иванов Г.Е., 1987, с.8), в Восточном Казахстане (Черников С.С., 1965, с.48-49, 178-184) и далее на запад, причем "ни до, ни после скифской эпохи такие формы стрел не употреблялись" (Членова Н.Л., 1993, с.51). Три других бронзовых наконечника стрел из Кээрмуци черешковые, не только трехгранные (рис. 2.-5), но и трехлопастные с насадом-лопаточкой (рис.2.-3). Последние датируются на соседних территориях VII- IV вв. до н.э. (Акишев К.А., 1973, с.49; Иванов Г.Е., 1987, с.11-12). Именно такой наконечник стрелы и найден вместе с другим, втульчатый листовидным с шипом, в погребении М17м2. В свете изложенного выше, скорченное захоронение в верхней части каменного ящика М17м2 можно считать могилкой раннескифского времени, впущенной в еще более раннюю погребальную конструкцию, перекрытую после этого сверху тремя каменными плитами и каменной насыпью. Захоронение 20 человек в нижней части М17м2, сопровождаемое четырьмя

каменными сосудами, принадлежит истинным создателям больших каменных ящиков в Кээрмуци, которые должны датироваться доскифским временем.

Трехгранный бронзовый наконечник стрелы с остатками древка на черешке (рис. 2.-5) происходит из погребения в грунтовой яме под каменным курганом М30, самым северным в цепочке аналогичных сооружений, где вместе со стрелой найдено бронзовое кольцо. Еще один бронзовый трехгранный или трехлопастной наконечник обнаружен в погребении в каменном ящике М7м1 размерами 2,18x2,74 м, глубиной 1,36 м и с ориентацией по азимуту 20°. Вместе с бронзовой стрелой и перемешанными костяками по меньшей мере пяти человек, в том числе одного подростка, там обнаружены четыре кремневых наконечника стрел, шесть каменных сосудов, бронзовое и аналогичное каменное изделия непонятного предназначения и керамический плоскодонный сосуд баночной формы с прямыми стенками высотой 11 см, диаметром доньшка 8,5 см и диаметром по венчику 10 см, украшенный ниже среза устья обрамленным резными кольцевыми линиями орнаментальным пояском, составленным из рядов треугольных ямок, заключенных между наклонными резными линиями. Ясно, что и это погребение в каменном ящике, относящееся к эпохе бронзы, не обошлось без впускных элементов скифского времени.

Видимо, похожая ситуация со впускным погребением скифского времени наблюдается в каменном ящике М4 размерами 2,35x3,30 м, глубиной 1,9 м и с ориентацией по азимуту 10°. Там среди перемешанных человеческих костей и черепов и фрагментов разбитых каменных и керамических сосудов найдены обломки железного изделия и целый плоскодонный кувшин ху общей высотой 16,7 см, с устьем диаметром 6,7 см и доньшком диаметром 7,7 см (рис. 2.-7). Сосуд этот с узким прямым горлышком и пузатым туловом изготовлен, по сообщению китайских археологов, на гончарном круге, но без подправки скоблением или лощением из красной песчанистой керамики, обожженной при низкой температуре. Он заметно отличается от большинства остальной посуды Кээрмуци, но похож по форме и размерам на сосуды скифского времени с сопредельных территорий, например, пазырыкские горшки из Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1987, с. 42-45). Правда, последние вылеплены вручную "ленточной" техникой, с последующим заглаживанием жидкой глиной и лощением. Китайские ученые сравнили кувшин из М4 с керамикой усуньского могильника Мочжатэ в уезде Чжаосу в том же Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, и с кувшином ху из сяньбийского (сяньбэйского) могильника Вангун во Внутренней Монголии, датируемых обычно эпохой Хань (И Маньбай, 1981, с. 27). Есть керамика раннего железного века и в погребении в каменном ящике М2, размерами 2x2,9 м, глубиной 1,78 м и с ориентацией по азимуту 20°. Это плоскодонный ситулообразный сосуд высотой 14 см, с диаметром доньшка 7 см и диаметром по венчику 13,1-13,4 см, изготовленный вручную из песчанистой керамики серо-бурого цвета и неравномерно обожженный (рис. 2.-8). Вместе с ним найдены четыре каменных сосуда, три кремневых наконечника стрел и перемешанные останки примерно 19 человек.

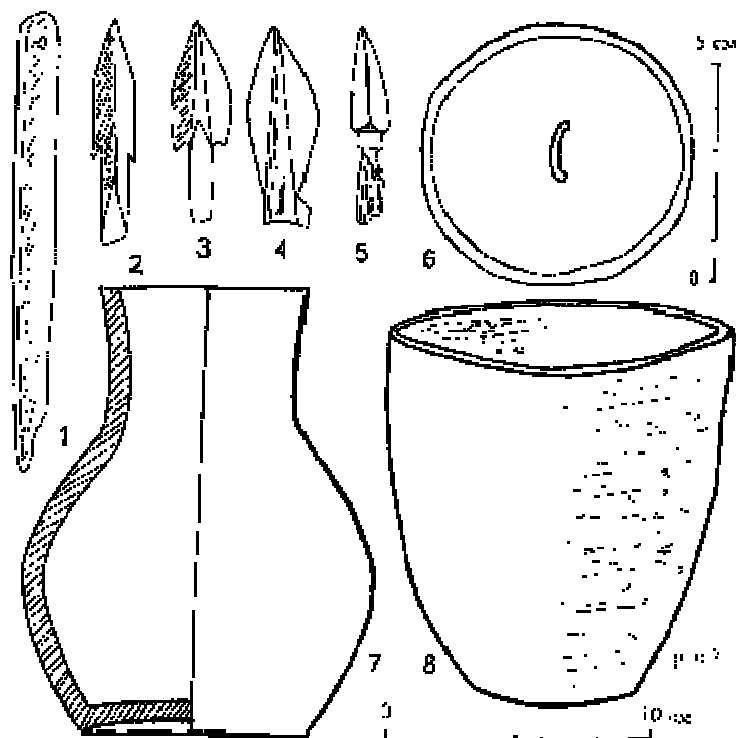
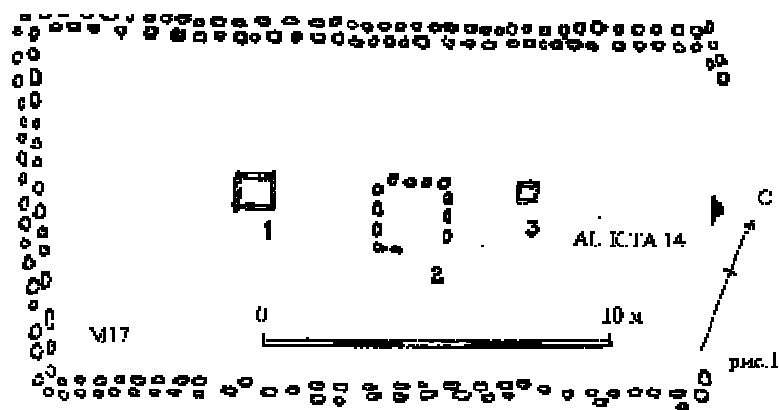

Рис. 1. План оградки М17 в Кээрмуци.

Рис.2. Инвентарь скифского времени из Кээрмуци. 1-нож, 2-5 - наконечники стрел, 6 - зеркало с бортиком и центральной петелькой, 7,8 - сосуды. 1-4 - из погребения М17м2, 5 - из погребения М30, 6 - из погребения М22, 7 - из погребения М4, 8 - из погребения М2. 1,3-6 - бронза, 2- кость, 7,8 - керамика. Нож и сосуды, наконечник стрел и зеркало выполнены в одном масштабе. Все, кроме 7 - прорисовки с фотографий. Все прорисовки и масштабирование выполнено автором.

Еще один несомненный элемент скифской культуры в Кээрмуци - бронзовое безорнаментальное зеркало диаметром 6 см с бортиком и центральной петелькой из могилы М22 (рис. 2.-6). И Маньбай посчитал его чжаньгоским (V-III вв. до н.э.) импортом с Центральной Китайской равнины и сравнил по форме и размерам с

зеркалами из могильника царства Го в Шанцуньлине. Однако шанцуньлинские зеркала никак не чжаньгоские. Ни одно погребение данного могильника не могло быть совершено позднее 655 г. до н.э., когда Го было поглощено государством Цзинь (Варенов А.В., 1984, с.48). Специальное исследование, предпринятое С.А. Комиссаровым в середине 80-х гг., показало, что значительная часть могил Шанцуньлина "относится примерно к одному периоду - вторая половина IX - первая половина VIII в. до н.э." (Комиссаров С.А., 1985, с.9-10). Эти хронологические выводы подтвердили и новые китайские раскопки 90-х гг. (Комиссаров С.А., 1995, с.67-68). Безорнаментальных зеркал с петелькой и бортиком в Шанцуньлине два, диаметром 5,9 и 6,4 см, оба из могилы © 1650 (Ли Сюэцин, 1959, с.27).

Кроме того, круглые бронзовые безорнаментальные зеркала с бортиком и центральной петелькой на территории Китая встречены в погребениях в каменных ящиках М101 и М102 из Наньшаньгэня в уезде Нинчэн, что в восточной части Внутренней Монголии (Варенов А.В., 1985, с.165-172). В М101 их два, диаметром 6,6 и 8,4 см (Погребение в каменном ящике, 1973, с.35), в М102 - одно, диаметром 7,8 см (Ань Чжиминь, Чжэн Найу, 1981, с. 306). Оба погребения датируются рубежом Западное Чжоу - Чуньцю, т.е. концом IX - началом VIII вв. до н.э. В самом Синьцзяне круглые безорнаментальные зеркала с бортиком и центральной петелькой известны из раскопок древнего могильника у водохранилища Кэцзыэр (Кизил), что в уезде Байчэн - один экземпляр диаметром 12,5 см (Му Шуньин, 1993, с.52, 186, 219) и в виде случайной находки диаметром 9,5 см, сделанной в 1995 г. в г.Алтай, недалеко от Кээрмуци (Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с.23,81). На сопредельных с Северным Синьцзяном территориях Восточного Казахстана и Алтая, по сводке Т.М. Кузнецовой, известно 5 зеркал с бортиком. Все они датируются VII-VI вв. до н.э., так же, как и зеркала Южной Сибири, Центрального Казахстана, Приаралья и более западных районов (Кузнецова Т.М., 1991, с.22-29).

Захоронение М22 с зеркалом из Кээрмуци совершено под курганом диаметром 9 м и высотой 0,9 м, на восток от которого стоит вертикальный камень-балбал высотой 1,6 м. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными углами, вытянутая длинной осью по линии запад-восток, размерами 2,9х1,9 м и глубиной 1,4 м, сужается от устья ко дну. У ее северной стенки близ дна есть уступ из обожженной земли шириной 30 см, на который помещен лошадиный скелет. В могиле двое погребенных на боку с согнутыми конечностями, головами на восток, лицом на север, окруженные кольцом из валунов. Из сопроводительного инвентаря, помимо бронзового зеркала, есть два фрагментированных керамических сосуда, два небольших железных ножа, бронзовый гвоздь и несколько листов золотой фольги. По всему комплексу признаков, включая вертикальный камень-балбал к востоку от кургана, размеры, глубину могильной ямы, размещение коня у ее северной стенки на специальном уступе, позу и ориентацию умерших, состав инвентаря, погребение М22 (единственное с конем в Кээрмуци) соответствует пазырыкской культуре (Степная полоса, 1992, с. 166- 167, 410), памятники которой распространены в Горном Алтае вплоть до самых его южных пределов (Полосьмак Н.В., 1994, с.11) и в долине верхнего Иртыша с притоками (Черников С.С., 1975, с. 133), одним из которых и является река Кээрмуци.

Конечно, материалами из Кээрмуци скифские древности в Северном Сынцзяне не исчерпываются. В результате разведок известны многочисленные курганные могильники, в качестве случайных находок собрано большое количество бронзовых изделий. Проблема заключается только в проведении раскопок и своевременной и полной публикации их результатов.

Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, проект 99-01-00319.

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРДОСА, АЛТАЙ И ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ СЮННУ

А.В. Варенов

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

A.V. Varyonov (Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography) Scythian sites of Ordos. Altai and the culture sources of siunnu

В начале 90-х годов Н.В. Полосьмак попыталась отыскать новые пути решения некоторых аспектов происхождения культуры сюнну. Как "вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сюнну" ею отмечены Центральный Казахстан (I этап тасмолинской культуры, VII-V вв. до н.э.), Северо-Западный Алтай (могильник Сибирка, V-III вв. до н.э.), Северный Китай (могильники Таохунбала и Маоцингоу, V-III вв. до н.э.) (Полосьмак Н.В., 1990, с. 105). В качестве эталонного сюннуского у Н.В. Полосьмак выступает могильник Даодуньцзы в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. Все эти памятники сближает, по ее мнению, наличие в могилах черепов и копыт баранов, козлов, коров, лошадей. Результатом западного влияния в Таохунбала и Маоцингоу Н.В. Полосьмак считает найденные там "гладкостенные горшко-видные сосуды с наклепными ручками", характерные для сакской керамики (Полосьмак Н.В., 1990, с. 104). Сосуды с петлевидными ручками известны и в кара-кобинской культуре Алтая. Сходство погребений северо-китайского могильника скифского времени Маоцингоу с сюннуским могильником Даодуньцзы, отмечает исследовательница, прослеживается "в устройстве могил (часто с нишами в торце, в которых находились сосуды), положении умерших (на спине, вытянуто, головой на северный сектор)", наличии черепов и ног коров, овец, коз, лошадей в головах погребенного в специальной нише или на перекрытии могилы (Полосьмак Н.В., 1990, с. 102). С точки зрения Н.В. Полосьмак (1990, с. 102), "особенно важна прослеживаемая преемственность посуды" из Маоцингоу и Даодуньцзы (1990, с. 103). Часть сосудов из Маоцингоу, по мнению Н.В. Полосьмак, "близка к сюннуской керамике", часть, как уже отмечалось, к сакской. Попробуем проверить предложенные аналогии и линии развития, обратившись к китайскому материалу.

Начнем с проверки степени сходства погребального обряда Даодуньцзы и Маоцингоу. Могильник Маоцингоу хронологически неоднороден. Китайские археологи разделили все 79 его погребений на четыре периода, от конца эпохи Чуньцю (V в. до н.э.) до конца эпохи Чжаньго (III в. до н.э.) (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 299-302). С.С. Миняев заметил, что поскольку-ку могильник Маоцингоу насчитывает всего лишь несколько десятков компактно расположенных захоронений, "его существование не могло, очевидно, охватывать промежуток в три столетия" (Миняев С.С., 1991, с. 124). Вместо этого петербургский археолог предложил принять датировку всего могильника, основанную на самых поздних из отмеченных китайскими авторами аналогий, т.е. концом III в. до н.э. По его мнению, " в пользу поздней даты свидетельствует и проявление сюннуских культурных традиций в поздней группе как Маоцингоу, так и других памятников Ордоса (что проявляется, в первую очередь, в орнаментации и способах обработки керамики)" (Миняев С.С., 1991, с. 124). Однако упомянутому С.С. Миняевым несоответствию между относительно небольшим числом погребений Маоцингоу и длительным периодом его существования можно дать другую интерпретацию.

По нашему мнению, в могильнике Маоцингоу присутствуют две одновременные группы захоронений: ранняя, из 67 могил с ориентацией погребенных головой на восток (в одном случае - на запад) (I-IV периодов по Тянь Гуанцзиню и Го Сусиню), и поздняя, из 12 могил с ориентацией погребенных головой на север (IV периода по Тянь Гуанцзиню и Го Сусиню). Поздняя группа не только отличается по ориентации, но и весьма четко выделяется планиграфически, располагаясь двумя ярусами на южной окраине могильника и в его центральной части (рис. 1). Инвентарь погребений поздней группы состоит (кроме двух бусин и двух агатовых колец в М81, а также трех каменных стерженьков и керамического пряслица в М21) почти исключительно из металлических поясных крючков. Всего в Маоцингоу поясных крючков обнаружено 16 экземпляров. Из них 8 экз. приходятся на 12 захоронений поздней группы (средняя вероятность встречаемости около 67%), а другие 8 экз. - на 67 захоронений ранней группы (средняя вероятность встречаемости менее 12%). Резко различаются в двух группах могил и детали погребального обряда, связанные с поясными крючками. В захоронениях с ориентацией покойных головой на восток целые крючки находятся на своем "законном месте", в районе пояса. В захоронениях с ориентацией покойных головой на север крючки разломаны пополам и их части помещены порознь у головы и в ногах умерших (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 267).

Впрочем, возможно и еще одно объяснение парадокса, подмеченного С.С. Миняевым. В этом случае различия в ориентации и погребальном обряде двух групп захоронений обусловлены не хронологическими, а этническими причинами, а погребения нашей поздней группы могут оказаться не столь уж и поздними. Радиоуглеродный анализ древесины гроба из могилы с северной ориентацией М25 дал дату 2290 (90 лет назад (для уточненного периода полураспада C-14, равного 5730 годам, но без учета дендрохронологической коррекции), что соответствует 340 г. до н.э., т.е. середине IV в. до н.э. (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 301). Найденный в М25 поясной крючок "скрипковидного" типа по аналогиям датируется

серединой эпохи Чжаньго, т.е. тем же IV в. до н.э. Но если самые поздние из погребений Маоцингоу относятся к середине IV в. до н.э., то и весь могильник может укладываться в рамки V - первой половины IV вв. до н.э.

"Сакские" и "раннесюннские" (по Н.В. Полосьмак) черты присущи погребениям именно нашей "ранней" группы. В инвентаре "поздней" группы нет никакой керамики и отсутствуют "присутствующие в каждом погребении у д. Маоцингоу бронзовые наборные пояса", которые "более всего похожи на сакские образцы и пластины из могильников раннего железного века из предгорий Алтая" (Полосьмак Н.В., 1990, с. 104). Ниши в торцовых стенах могил, в которые ставили сосуды, практически обязательны в Даодуньцзы, но имеются только у четырех захоронений "ранней" группы Маоцингоу, что из общего числа в 67 погребений составляет чуть меньше 6% (Гянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 232). А в "поздней" группе ниш вообще нет, как и самих сосудов. Не маловато ли для прямой преемственности с Даодуньцзы, особенно если учесть, что ниши с сосудами в торцовых стенах могил бытуют с Северном Китае еще с эпохи ранней бронзы? Они встречены в могильнике Фаньчжанцзы культуры нижнего слоя Сяцзядянь, распространенной в первой половине II тыс. до н.э. (Ци Сяогуан, 1984, с. 22-25). А в некрополях шанской культуры XIII-XI вв. до н.э. погребения со стенными нишами с сосудами составляют небольшую, но весьма стабильную долю всех захоронений. В могильнике Дасыкунцунь в Аньяне ниши имели 3 погребения из раскопанных там 166, т.е. 1,807% (Ма Дэжи, Чжоу Юнчжэн, Чжан Юньпэн, 1955, с. 28). А на могильнике Сяоминьтунь в западном районе Иньского городища в Аньяне ниши есть у 17 из 939, т.е. у 1,810% раскопанных там погребений (Ян Баочэн, Ян Сичжан, 1979, с. 37, 38).

Вытянутое положение умерших на спине характерно не только для погребального обряда Даодуньцзы и Маоцингоу, но и для захоронений разных культур Северного Китая начиная еще с развитого неолита. Ориентация костяков в Даодуньцзы и Маоцингоу, вопреки утверждениям Н.В. Полосьмак, разная. В Даодуньцзы умершие ориентированы головой на север, в выделенной нами "ранней" группе Маоцингоу - головой на восток, и только в "поздней" группе - на север. Что касается выкладок из черепов коров, овец и коз в погребениях, то в Даодуньцзы они находятся в жесткой взаимной корреляции с захоронениями в подбоях, т.е. два этих элемента обряда, подбои и черепа животных, друг без друга не встречаются (У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1988, с. 354-355), а в Маоцингоу подбоев вообще нет. Н.В. Полосьмак связала погребения в подбоях из Даодуньцзы с "влиянием китайской культуры эпохи Хань" на сюнну (Полосьмак Н.В., 1990, с. 102). Хотя в эпоху Хань подбои в Китае и правда соорудались, но ни тогда, ни ранее они не были господствующей погребальной конструкцией в собственно китайской культуре (Терехова Н.Н., 1959, с. 33), не говоря уже о том, что китайцы эпохи Хань черепа животных в могилах не выкладывали.

С.С. Миняев предположил, что обычай захоронения в подбоях был одним из признаков особой культурной общности, существовавшей "накануне сюннских завоеваний в Центральной Азии" (Миняев С.С., 1989, с. 10). Се Дуньцзюй в

специальной обобщающей статье на эту тему, опубликованной на два года раньше заметки С.С. Миняева, отметил, что захоронения в подбоях и катакомбах характерны для разных культур Северо-Западного Китая, таких, как Баньшань-Мачан, Цицзя, Хошаогоу, Каюэ (Цяю), Синьдянь, Шацзин, предчжоуская и западно-чжоуская, начиная еще с эпохи бронзы и даже с финального неолита (Се Дуаньцзюй, 1987, с. 1097-1104). Есть погребения с подбоями и катакомбами и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, но относятся они уже к раннему железному веку. В качестве ближайшего по территории и времени существования предшественника Даодуньцзы с аналогичным погребальным обрядом (захоронения в катакомбах с выкладкой черепов домашних животных на дне шахты) мы, со своей стороны, можем указать на могильник Янлан в уезде Гуань того же Нинся-Хуэйского автономного района КНР (Сю Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун, 1993, с. 13-56). В могильнике Янлан встречаются некоторые изделия, которые еще до публикации данного памятника А.А. Ковалев предложил считать этномаркирующими для ицзюйских жунов (Ковалев А.А., 1992, с. 98-100). Жунскую атрибуцию могильника Янлан поддерживают и его китайские исследователи (Сю Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун, 1993, с. 52). Однако этот факт с особой остротой вновь поднимает вопрос об этнической принадлежности могильника Даодуньцзы, а вслед за ним закономерно возникает и следующий: а может ли Даодуньцзы и впредь фигурировать в качестве эталонного погребального памятника сюнну? Впрочем, все это сюжет отдельного самостоятельного исследования.

Обратимся теперь к проблеме преемственности между посудой из Маоцингоу и Даодунь-цзы. Прежде всего, отметим справедливость замечания Н.В. Полосьмак, что серия сосудов из Маоцингоу неоднородна. Правда, в действительности она насчитывает не 15 изделий, как указала в своей статье новосибирская исследовательница (Полосьмак Н.В., 1990, с. 102-103), а гораздо больше. Н.В. Полосьмак почему-то подсчитала только керамику, изображенную на двух таблицах из статьи Тянь Гуанцзиня и Го Сусинь о Маоцингоу. Между тем на третьей таблице из той же статьи воспроизведено еще 11 сосудов, а всего в Маоцингоу их обнаружено 42, включая и те, что не удостоились чести быть показанными на рисунках (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 253-257). Получается, что Н.В. Полосьмак оперировала в своих построениях не всем доступным материалом о посуде Маоцингоу, а менее чем 40% от общего состава коллекции.

Говоря в своей статье о сюннуской керамике, Н.В. Полосьмак опиралась на разработки С.С. Миняева, который в качестве одной из особенностей материальной культуры памятников, оставленных союзом центрально-азиатских кочевников во главе с гуннами, выделял "керамику с орнаментом в виде прочерченных или налепных волнообразных линий и обработкой поверхности вертикальным лощением" (Миняев С.С., 1981, с. 80-81). Сходство же изделий из Маоцингоу с сюннуской керамикой, по Н.В. Полосьмак, "проявляется в основном в особенностях выделки внешней поверхности сосудов, сплошь покрытой следами вертикальной штриховки гребенкой, и в орнаментации волнистыми прочерченными линиями" (Полосьмак Н.В., 1990, с. 103), т.е. у нее "вертикальное лощение поверхности керамики", отмеченное С.С. Миняевым как специфически сюннуский признак,

превраща-ется в "следы вертикальной штриховки гребнем". Вдобавок, в "сюннуском" Даодуньцзы волнистыми проверченными линиями украшены как раз только гладкостенные изделия (У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 93), что совпадает с определением С.С. Миняева, а остальные горшки, покрытые оттисками шнура или веревки, китайские археологи сравнивают с ханьской посудой с Центральной равнины (У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 100). Кстати, и в Маоцингоу керамика, как указано в тексте публикации и хорошо заметно на фотоиллюстрациях, орнаментирована вовсе не "вертикальной штриховкой гребенкой", а оттисками шнура (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 252, табл. ХСVI-ХСVII). Ну, а оттиски шнура, или даже "вертикальная штриховка гребенкой" - это все-таки отнюдь не одно и то же самое, что и "вертикальное лощение".

Различие между "сюннуской" и "сакской" посудой из Маоцингоу - это различие между сероглиняной гончарной керамикой с высокой температурой обжига и красно-бурой керамикой ручной лепки, обожженной при сравнительно низкой температуре (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 252). В Маоцингоу зафиксировано 7 гладкостенных горшковидных сосудов с наклепными петлевидными ручками, сопоставленных Н.В. Полосьмак с сакской керамикой: 5 составляющих группу С с петлевидными ручками прямо под устьем и 2 входящих в группу А, с довольно длинным косым горлышком и ручками на тулове. Если из общего числа 42 сосудов, обнаруженных в Маоцингоу, вычесть кувшины ху, трипод ли, миску пэнь, то останется 37 горшков. Из них "сакских" лишь 7, остальные без ручек и в большинстве случаев орнаментированы оттисками шнура.

Вопреки утверждению С.С. Миняева, "сюннуской" сероглиняной керамики, покрытой оттисками шнура, в погребениях IV, позднего периода нет совсем. Китайские археологи включили в самый поздний, IV период своей хронологической схемы Маоцингоу, помимо 12 захоронений с северной ориентацией и без керамики, еще 10 расположенных рядом с ними могил, ориентированных по линии запад-восток (см. рис. 1). В этих могилах найдено 5 сосудов, все гладкостенные, бурой керамики, из них 3 принадлежащих к группе С "сакских" горшка с петлевидными ручками, один гладкостенный горшок без ручек типа ВII и один кувшин ху. Выходит, что сюннуские культурные традиции в орнаментации и способах обработки керамики, о которых писал С.С. Миняев (Миняев С.С., 1991, с. 124), в поздней группе Маоцингоу как раз и не проявляются. Кроме того, получается, что "сюннуская" керамика в Маоцингоу исчезает раньше "сакской", что вряд ли имело бы место, если бы "сакские" традиции действительно влияли на (или инкорпорировались в) "сюннуские".

Попробуем проверить полученные выводы статистикой распределения посуды двух традиций по могилам. Если не учитывать кувшины ху, миску пэнь, трипод ли, а также сосуды IV периода, то останется только 33 горшка, из них "сакских" лишь 4 экземпляра (т.е., около 12%), приходящихся на 57 погребений I-III периодов. По теории вероятности должно быть $29(4:57=2,0350877$ случая взаимовстречаемости сосудов "сакской" и "сюннуской" групп в одной могиле, при условии случайного и независимого друг от друга распределения инвентаря по могилам. Реально отмечено

два случая взаимовстречаемости сосудов обеих групп в одной могиле (оба случая в погребениях I периода - М42 и М58), что очень близко к количеству, вычисляемому по теории вероятности, и подтверждает предположение о случайности и независимости распределения керамики. Но если две группы посуды в Маоцингоу синхронны и сосуществуют без особых следов взаимодействия, о чем свидетельствует случайное и независимое друг от друга распределение их по могилам, то это, в свою очередь, значит, что "сюннская" керамика вовсе не происходит от "сакской" и вопрос о ее генезисе так и остается открытым.

Все сосуды, найденные в могильнике Таохунбала, датированном поздним периодом эпохи Чуньцю (VI-V вв. до н.э.), Н.В. Полосьмак считает близкими к сакским. Похожими гладко-стенными плоскодонными кувшинообразными изделиями с одной или двумя петлевидными ручками представлена и керамика могильника Янлан, датированного концом Чуньцю-Чжаньго (V-III вв. до н.э.). Тянь Гуанцзинь относит Таохунбала к культуре протосюнна или ранних сюнна (Тянь Гуанцзинь, 1986, с. 219). Он и его жена и соавтор Го Сусинь приписывают погребения первого периода Маоцингоу (по своей хронологической схеме) одному из ответвлений племени ди, а последующие - лоуфаням (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 304). Захоронения с ориентацией север-юг, по их мнению, ни по обряду, ни по инвентарю не отличаются от погребений районов Центральной равнины и, вероятно, были оставлены жившим в Маоцингоу земледельческим населением (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 304). Сю Чэн и Ли Цзинь-цзэн считают Маоцингоу в целом принадлежащим племенам ди, но, возможно, разным их ответвлениям, а Янлан - жунам (Сю Чэн, Ли Цзиньцзэн. 1993, с. 9).

Таким образом, керамика "сакского" облика оказывается характерна для разнокультурных памятников скифского времени из Северного Китая, синхронных и каракобинской культуре Алтая, и сакской культуре Средней и Центральной Азии. Кроме того, гладкостенные плоскодонные кувшинообразные сосуды с петлевидными наклепными ручками встречаются в различных культурах Северного и Северо-Западного Китая уже в эпоху бронзы и даже еще раньше, начиная с яншаоского неолита. В памятниках Синьцзян-Уйгурского автономного района кувшинообразные сосуды с петлевидными ручками вообще численно преобладают, правда, там они в основном покрыты росписью и относятся к раннему железному веку. Если учесть, что на памятниках I этапа тасмолинской культуры еще нет "сакской" посуды с наклепными петлевидными ручками (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М., 1966, с. 392), а в кург. I могильника Сибирка вообще никаких сосудов не найдено (Бородовский А.П., 1988, с. 73-75), то вряд ли можно с уверенностью говорить о заимствованном характере "сакских" черт в керамике северо-китайских археологических культур раннего железного века. Скорее, речь может идти об обширной культурно-исторической области, охватывающей Северный и Северо- Западный Китай и Центральную Азию, крайней северной или северо-восточной периферией которой и являлся Алтай.

Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, проект 99-01-00319.

МАТЕРИАЛЫ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА КЭЭРМУЦИ В СЕВЕРНОМ СИНЬЦЗЯНЕ

Варенов А.В. г. Новосибирск

Одним из важнейших памятников Северного Синьцзяна является могильник Кэ-эрмуци (китайский вариант транскрипции тюркского топонима Чемурчек). Он был открыт в ходе археологической разведки по поиску и описанию древнетюркских каменных изваяний летом 1961 г. и именно благодаря их присутствию [Ли Чжэн, 1962]. Раскопки производились во второй половине 1963 г. под руководством И Маньбая и Ван Минчжэ [И Маньбай, 1981]. Первыми исследователями могильник был признан разновременным и разнокультурным и на основе не всегда оправданных китайских аналогий датирован тысячелетием от эпохи Западной Хань (III в. до н.э.) до эпохи Тан (VII в. н.э.).

Результаты разведки с описанием изваяний и некоторых надмогильных сооружений опубликованы Ли Чжэном в 1962 г. [Ли Чжэн, 1962]. Тот же текст с незначительными изменениями (опущены присутствовавшие первоначально ссылки на советских авторов К.В. Вяткину и Л.А. Евтюхову) воспроизведен в юбилейном томе "30 лет синьцзянской археологии", составленном из всех изданных в период 1949-1979 гг. китайских статей по данной теме [30 лет, 1983]. Однако в альбоме иллюстраций этого издания вместо древнетюркских изваяний (как в оригинальном варианте) приведена часть вещей из раскопок в Кээрмуци, правда, без масштаба, абсолютных размеров и указания распределения по могилам, но зато с общей для всех датой "эпоха Чжаньго" (V-III вв. до н.э.) [30 лет, 1983, илл. 47-53].

Краткий отчет о самих раскопках, с ограниченным количеством очень мелких иллюстраций, почти совсем без масштаба и указаний на абсолютные размеры вещей, служащий у большинства отечественных и западных авторов единственным источником сведений о Кээрмуци, увидел свет в 1981 г. [И Маньбай, 1981]. В отечественной литературе он чаще всего фигурирует как анонимный, в западной же авторство приписывается Ван Минчжэ. Между тем, Ван Минчжэ принадлежит только послесловие, в котором четко сказано, что первоначальный текст отчета "завершен в годы Великой культурной революции (т.е., во второй половине 60-х гг. - А.В.) тов. И Маньбаем, вскоре скончавшимся" [И Маньбай, 1981, с. 32].

Сообщения о Кээрмуци присутствуют и в разделах о каменных изваяниях обобщающих коллективных трудов "30 лет работы в области археологии и материальной культуры" и "Археологические открытия и исследования в Новом Китае". И если в последнем, 1984 г., где главу "Синьцзян на рубеже древности и средневековья" писал Мэн Фаньжэнь, кратко повторены основные выводы И Маньбая [Мэн Фаньжэнь, 1984, с. 487], то в первом, 1979 г., где статью о Синьцзяне писал Мо Минхуа, содержится ряд оригинальных данных, нигде более не фигурирующих [Мо Минхуа, 1979, с. 175-176].

В 1985 г. часть находок из Кээрмуци, в том числе и некоторые, ранее нигде не публиковавшиеся, была издана в составленном Му Шуньином и Ван Минчжэ альбоме "Материальная культура древних народов Синьцзяна" двумя далеко разнесенными друг от друга группами. Одна из них датирована 1200-700 гг. до н.э. в силу сходства кремневых наконечников стрел, каменных сосудов, литейных форм, бронзовых ножей и "керамических яйцевидных сосудов различных типов с карасукской культурой из района Южного Алтая в Советском Союзе" [Му Шуньин, Ван Минчжэ, 1985, с. 4].

Другая приписана современникам саков - племенам хуцзе (уцзе) эпохи Чжаньго-Зап. Хань (V-III вв. до н.э.) [Му Шуньин, Ван Минчжэ, 1985, с. 7].

Своей точки зрения Му Шуньин придерживался и в 1994 г. при издании альбома "Древнее искусство Синьцзяна, Китай", сопоставляя форму и орнамент яйцевидных сосудов из Кээрмуци с "типичными изделиями карасукской культуры Казахстана" [Му Шуньин, 1994, с. 181, 210]. В 1996 г. другие китайские археологи Ван Линьшань и Ван Бо в альбоме "Степные древности Китайского Алтая" также делят материал Кээрмуци (у них этот топоним транскрибируется уже как Цемуэрцекэ, т.е. Цемурцек или Чемур-чек) на несколько групп, относящихся к эпохам бронзы и раннего железа [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. с. 91]. На западе весьма обстоятельное сообщение о Кээрмуци опубликовала в 1989 г. французская исследовательница К. Дэбен-Франкфор во второй части своего обзора синьцзянской археологии до-ханьского времени [Debaine-Francfort, 1989, p. 197-198]. Она описала географическое положение, время и обстоятельства открытия могильника, перечислила основные типы погребальных конструкций, отметив нечеткость принятой китайскими учеными классификации и скудость инвентаря, что затрудняет хронологическую атрибуцию. Тем не менее К. Дэбен-Франкфор разделила захоронения Кээрмуци на две фазы - раннюю и позднюю.

К первой, представленной погребениями М1 б и М1 7, "соответствующими бронзовому веку степного типа", относятся маленькие яйцевидные круглодонные сосуды серой керамики без ручек, украшенные штампованным геометрическим орнаментом, микролитические наконечники стрел и, вероятно, группа каменных сосудов, характерных для этого памятника. Здесь же ею отмечены каменные литейные формы для отливки лопатки и кинжала и увенчанный скульптуркой в виде человеческой головы каменный жезл, сопоставленный французской исследовательницей с западносибирскими антропоморфными изображениями эпохи бронзы. Подыскать точные параллели для керамики ей не удалось, хотя "очевидное сходство с изделиями степных культур типа карасукской" и было оговорено.

Поздний период, по К. Дэбен-Франкфор, неоднороден. Он характеризуется появлением средневековой гончарной керамики, украшенной волнистыми линиями, а также датированной эпохой Чжаньго (V-III вв. до н.э.) приземистой формы чаши на поддоне (в действительности последнее изделие представляет собой курительницу афанасьевской культуры - А. В.). Сюда же отнесены различные бронзовые и железные предметы, такие, как нож, наконечник копья, круглое зеркало с бортиком и

центральной петелькой, также датированное французской исследовательницей вслед за китайскими археологами эпохой Чжаньго (V-III вв. до н.э.) и стрелы, как плоские, так и трехлопастные. В целом в своих описаниях и выводах К. Дэбен-Франкфор следует за работами И Маньбая и Му Шуньина-Ван Минчжэ.

Первые упоминания о Кээрмуци в отечественной литературе встречаются в 1988 г. в коллективной монографии "Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории", где часть находок была предположительно отнесена к эпохе бронзы и очень осторожно датирована "возможно, II - начало I тыс. до н.э." [Восточный Туркестан, 1988, с. 148-149]. В 1995 г. в другой коллективной монографии из этой же серии рассмотрены древнетюркские погребения из Кээрмуци, впрочем, не всегда верно атрибутированные [Восточный Туркестан, 1995, с. 229]. В работах Ю.А. Заднепровского начала 90-х гг. "по всему комплексу находок (яйцевидные, бом-бонидные, баночные сосуды, курительницы на поддоне, кремневые наконечники стрел и др.) могильник (Кээрмуци - А.В) находит прямые аналогии в памятниках афанасьевской культуры Сибири III - нач. II тыс. до н.э." [Заднепровский, 1993, с. 99; Заднепровский, 1992, с. 120].

В.И. Молодин и С.В. Алкин в 1997 г. включили северную часть Синьцзяна в ареал распространения афанасьевской культуры, поскольку, по их мнению, там "известны, по крайней мере, два могильника: Кээрмуци (почти на границе с Россией) и Туцю в районе Урумчи, в которых обнаружена классическая для афанасьевской культуры керамика" [Молодин, Алкин, 1997 с. 38]. В том же 1997 г. А.В. Варенов попытался выделить скифо-сакский компонент в составе могильника Кээрмуци [Варенов, 1997, с. 40-44]. Полный вариант этой статьи с развернутой аргументацией и уточнением некоторых фактических сведений был опубликован в 1999 г. [Варенов, 1999в, с. 26-30].

В 1998 г. А.А. Ковалев в поисках археологических данных о прародине скифов обратил внимание на каменные антропоморфные изваяния из Синьцзяна, в том числе и из Кээрмуци, которые он датировал первоначально эпохой поздней бронзы и посчитал прототипами скифских [Kovalev, 1998, s. 265, 271]. В самом конце 1998 г. в русскоязычном варианте той же статьи А.А. Ковалев писал, что "начало статуарной традиции в джунгарских степях можно отнести самое позднее к эпохе средней бронзы. Большинство этих изваяний стоят у прямоугольных оградок, окружающих погребения в каменных ящиках, которые достигают в плане размеров 2 x 3 м (каждая стенка сложена из одной плиты). Здесь обнаружены каменные и глиняные сосуды мешковидных и бомбо-видных форм, кремневые стрелы, каменный жезл, афанасьевская курительница, что позволяет датировать эти оградки ранним-средним бронзовым веком" [Ковалев, 1998, с. 27].

Таким образом, материалы эпохи бронзы из Кээрмуци у А.А. Ковалева, который специально посетил Синьцзян, чтобы ознакомиться с ними *de visu*, рассмотрены не дифференцированно, а о том, что на памятнике присутствуют и достаточно ярко выраженный пласт скифо-сакского времени, и средневековые, в том числе и тюркские, древности, просто не упомянуто. В 1998г. А.В. Варенов

опубликовал краткий обзор основных находок из Кээрмуци, относящихся к эпохе бронзы и дал свой вариант их культурно-хронологической атрибуции [Варенов, 1998б, с. 60-72], а также поставил под сомнение принадлежность большей части керамики и некоторых других категорий инвентаря Кээрмуци к афанасьевской культуре [Варенов, 1998а, с. 77-81]. В 1999г., в развитие идей своих предыдущих работ, он предположил наличие на этом памятнике материалов новой, неизвестной ранее культуры эпохи бронзы [Варенов, 1999а, с. 53-59; Варенов, 1999б, с. 184-189]. Рассмотрению их и посвящена данная статья.

Памятник расположен в 12 км к юго-западу от уездного центра - гор. Алэтай (Алтай) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, к северу от шоссе Буэрцзинь (Бурчун) - Алтай, на берегах правого притока Черного Иртыша р. Кээрмуци (Чемур-чек), текущей на юг со склонов Алтайских гор. Местность там плавно понижается с севера на юг, образуя степное пространство площадью 100-200 кв. км. В степи возвышается несколько вытянутых в направлении север-юг земляных холмов. Древние погребения тремя отчетливо выделяющимися скоплениями размещаются непосредственно на самих земляных холмах и на прилегающих к ним участках степи (рис. 1).

Всего было раскопано 32 погребальные конструкции. По внешнему виду китайские археологи разделили их на оградки и одиночные могилы. Прямоугольные в плане оградки образованы стоящими с четырех сторон простыми камнями или плоскими каменными плитами. Если на каких-либо сторонах прямоугольника камни не прослеживались, границу ограды угадывали по земляному возвышению. Площадь оград от 200 до 600 кв. м, внутри может быть от одной до нескольких могил. Всего раскопано десять оград с 24 могилами. Большинство из них, 17 могил - без курганных насыпей, а 7 - с насыпями.

Во всех погребениях без насыпей имелись каменные ящики в вертикальных ямах, а под насыпями - или каменные ящики, или просто земляные ямы. В одиночных могилах без ограды костяки находятся либо в каменных ящиках, либо в земляных ямах. Каменные ящики встречаются и под курганными насыпями, и без них, а земляные ямы обязательно сочетаются с насыпями. Курганные насыпи круглые в плане, сложены из гальки или покрыты сверху галькой. Перед некоторыми одиночными курганами и оградками стоят каменные изображения людей или вертикальные камни (около отдельных оградок до четырех штук).

По способу труположения выделены захоронения людей с согнутыми конечностями; на спине с вытянутыми конечностями; лицом вниз с вытянутыми конечностями; "смешанные". Погребенных с согнутыми конечностями довольно много, они встречены и внутри оградок, и в одиночных могилах. Умершие были положены преимущественно на бок с согнутыми конечностями и на спине с подогнутыми вбок ногами. Есть также останки людей, погребенных с согнутыми вверх ногами, причем степень сгиба ног такова, что бедро и голень почти параллельны. Погребенных на спине с вытянутыми конечностями сравнительно

мало, в основном в одиночных могилах с земляными ямами, а лицом вниз вообще похоронен только один человек.

Ориентация и поза костяков в большинстве случаев не указаны. Известно, что в двух из примерно 20 исследованных больших каменных ящиков подквадратной формы (минимальные размеры 1,4 x 1,9 м или 1,6 x 1,8 м) умершие лежали головой на север (в М20 вытянуто на спине, в М5м1 - на спине с подогнутыми вбок ногами), а еще в двух - головой на запад (в М24 - два человека вытянуто на спине, в М1 I - один на спине с согнутыми вверх ногами). В земляных ямах преобладает ориентация головой на восток, прослеживаемая у погребенных как в скорченном, так и в вытянутом на спине положении.

Больше всего "смешанных" захоронений, которые делятся на две разновидности. Одна из них - несколько полностью сохранившихся костяков (максимум - до 20 в одной могиле), сваленных в кучу, но так, что при внимательном изучении еще можно разобрать, лежали умершие или стояли на коленях. Все такие захоронения совершены в больших каменных ящиках. Другая разновидность "смешанных" захоронений, когда небольшое количество разрозненных костей разбросано по всей могиле, характерна только для земляных ям под насыпями одиночных курганов.

Погребальный инвентарь в китайской публикации охарактеризован как "скудный", а размещение его "бессистемное": находки были сделаны внутри и вне каменных ящиков, и непосредственно среди "смешанных" костяков, а также рядом с ними, и даже вне могил в пределах оградок. Встречены вещи из камня, керамики, кости, бронзы, железа. Среди каменных изделий преобладают сосуды: 18 горшков гуань (в том числе один двойной), 3 чаши бо, 4 бокала бэй с ручкой, 5 ламп, 18 наконечников стрел, каменная скульптурка, песты, ступки, литейные формы и т.п. Керамических сосудов "20 с лишним". Правда, подсчеты по сводной регистрационной таблице инвентаря дали иную цифру: в 12 могилах - 15 керамических сосудов и два случая находки фрагментов от неизвестного числа сосудов. Судя по той же таблице, в 15 могилах обнаружены 30 каменных горшков гуань (не считая блюд пань, чаш бо, бокалов бэй, ступок и пр.).

Перечислено девять бронзовых изделий: четыре наконечника стрел и по одному ножу, копьё, зеркалу, плюс еще две вещи непонятного предназначения. В сводной таблице находок и в описаниях отдельных погребений упоминаются также бронзовое шило, три кольца и несколько гвоздей. Кольца и гвозди встречены в погребениях в земляных ямах под курганами, как и подавляющая часть железного инвентаря, среди которого присутствуют ножи, поясные пряжки, гвозди, тесло, железные удила и стремя. Из костяных изделий имеются два наконечника стрел, три подпружные пряжки с подвижным язычком и четыре блока для чумбура.

Костяные блоки для чумбура и подпружные пряжки, как и железные поясные (или портупейные) пряжки, удила, стремя, тесло, гвозди и часть железных ножей датируются древнетюркским временем. Костяные и бронзовые наконечники стрел,

бронзовые нож и зеркало и другая часть железных ножей относятся к скифской эпохе. Тюркские древности найдены в погребениях в грунтовых ямах под курганами. Могилы раннего железного века встречаются как в грунтовых ямах под курганами (например, М22 и М30), так и впущенными в более ранние захоронения, совершенные в больших каменных ящиках (например, М2, М4, М7м1). Эти последние в подобных случаях бывают еще дополнительно перекрыты сверху курганной насыпью (как, например, М17м2).

Погребальный инвентарь захоронений в больших каменных ящиках довольно необычен. Не совсем понятно, входит ли в его состав керамика, и если входит, то какая именно. Из 15 керамических сосудов, найденных в Кээрмуци, опубликованы восемь, в том числе два скифского времени (плюс еще три заведомо скифских сосуда не изданы), один древнетюркский горшок и одна средневековая (предположительно, уйгурская) гончарная ваза со штампованным орнаментом. Пиалу на поддоне, аналогичную сибирским курильницам, и три яйцевидных сосуда (в том числе один не издан) обычно относят к афанасьевской культуре, хотя подобная атрибуция и датировка синьцзянских яйцевидных сосудов не бесспорна [Варенов, 1998а, с. 79-80].

Действительно "прямые аналогии в афанасьевской культуре" из всей керамики Кээрмуци имеет только пиалообразный сосуд на коническом поддоне, именуемый по-китайски доу, сопоставимый с сибирскими курильницами. Его общая высота 8,3 см, диаметр по венчику 14,3 см, стенки довольно толстые и массивные, а верхняя часть сплошь украшена ямочными вдавлениями, оттиснутыми палочкой (рис.2, 1,2). Курильница из Кээрмуци найдена в погребении М24 в каменном ящике размерами 1,8 x 1,6 м, глубиной 1,3 м и с ориентацией по азимуту 30 градусов. В западной части ящика размещались скелеты двух погребенных в вытянутом положении на спине с прямыми конечностями, головами на запад людей, в восточной - "смешанное" захоронение еще 5 человек. Кроме керамической чаши доу, сопроводительный инвентарь составляет разбитый каменный бокал бэй на круглой ножке (поддоне?) с кольцевой ручкой, каменный светильник, и, уже вне ящика, но в пределах оградки, фрагментированный каменный сосуд на четырех сосцевидных ножках. Если брать весь комплекс признаков, включая абсолютные размеры, пропорции, толщину стенок, особенности орнаментации, то сходство сосуда доу из М24 с афанасьевскими курильницами высотой 8,5-10 см и с диаметром чаши по венчику 12-16 см несомненно. Все сибирские "вазочки" с обеих сторон окрашены охрой, внутри закопчены, а снаружи нередко снабжены ручками [Вадецкая, 19866, с. 50-51]. Сложно сказать, появился желтый цвет у синьцзянской чаши за счет обжига или наружного окраса охрой. Во всяком случае, вся остальная керамика Кээрмуци, кроме двух образцов гончарной посуды - кувшина ху скифского времени из М4 и средневековой вазы из М1 8 -темно-серого или черно-бурого цвета. Ручка, в принципе и не обязательная, могла располагаться на утраченных ныне фрагментах чаши (на фото прекрасно видно, что почти половина ее верхней части отсутствует) (рис. 2, 2).

Все три яйцевидных сосуда из Кээрмуци найдены в пределах оградки М1 6, но вне погребений, которых там шесть. Один, высотой 17 см и с устьем диаметром 9 см, изготовлен из сильно песчанистой серой керамики, с пузатым туловом и четко оформленным венчиком с ребром, что создает впечатление "заваленности" губ внутрь сосуда (рис. 2, 3,4). Венчик украшен вертикальными зигзагами из сочетаний резного орнамента и ногтевых вдавлений (которые зрительно местами больше похожи на оттиски гребенки). Все тулово сосуда, за исключением придонной части, сплошь покрыто скомпонованными на манер чешуи веерообразными фестонами, составленными из дугообразных линий от прокатки роликового штампа или качалки с косой насечкой, хотя не исключено, что это оттиски витого шнура. Точнее определить технику нанесения узора даже по фотографиям крупного масштаба не представляется возможным. А.А. Ковалев, лично осмотревший данный сосуд, утверждает, что он покрыт "орнаментом, выполненным веревочным штампом" [Ковалев, 1998 с. 27]. Ну, а отпечатки веревки для орнаментации афанасьевской керамики совершенно не характерны. Другой сосуд из М1 6, высотой 15 см и с устьем диаметром 9 см, также изготовленный из песчанистой серой керамики, с сильнее закругленным уплощенным доньшком, более ровными стенками и прямым срезом специально не выделенного венчика, украшен в верхней части тулова четырьмя кольцевыми рядами ямочных вдавлений, оставленных острой палочкой (рис. 2, 5, б). Третий - неорнаментированный яйцевидный горшок из М 16 - не опубликован. На внутренней поверхности стенок тулова всех яйцевидных сосудов видны следы, принятые Мо Минхуа за отпечатки плетенки, хотя скорее всего это следы орудия, применявшегося при оформлении тулова сосуда. Их можно сравнить с рядами параллельных линий, оставленных на внутренней стороне стенок тулова афанасьевской керамики зубчатым штампом. А по абсолютным размерам, общим пропорциям, особенно форме венчика, и, в меньшей степени, его орнаментации, сосуд из М1 6 (рис. 2, 2,4) похож на один из сосудов из пятого, афанасьевского слоя стоянки Тоора-Даш в Туве высотой 16 см и с диаметром по венчику 10 см [Семенов, 1982, с. 220], хотя заваленный внутрь венчик с ребром для афанасьевской керамики в целом не характерен. Гораздо сложнее найти точные афанасьевские аналогии украшению всего тулова сосуда системой веерообразных фестонов. Кроме того, на могильнике Кээрмуци в 1994 г. не во время раскопок, а случайно, найден яйцевидный сосуд соломенно-желтого цвета высотой 22,1 см и с устьем диаметром 13,7 см. Его горло не орнаментировано и четко отделено от тулова, сплошь покрытого прочерченным узором, образующим ромбы и треугольники с заполняющими их ямками от оттисков палочки (рис. 2, 7). Данный сосуд может быть сопоставлен с датирующейся XI-IX вв. до н.э. керамикой бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана, для которой характерны горшки ручной лепки, с шаровидным туловом, круглодонные или с небольшим плоским дном и неорнаментированным цилиндрическим горлом, часто с отогнутым наружу венчиком [Маргулан, 1979; Кузьмина, 1994, с. 127-131], Два таких горшка, заведомо принадлежащих бегазы-дандыбаевской культуре, найдены по соседству [Варенов, 19986, с. 65-66; Молодин, 1998, с. 286-289]. Один из них, изготовленный из желто-серой на поверхности, но черной в изломе керамики, покрытый геометрическим орнаментом из оттисков гребенчатого штампа или зубчатого ролика, встречен в

деревне Куси (Кусицунь), что в волости Авэйтань того же уезда Алтай (рис. 2, 73). Другой - черной керамики, покрытый резным орнаментом, образующим подвешенные треугольники- происходит из местности Куижэкэбаидэнко-ласы в соседнем уезде Фухай (рис. 2, 14).

Яйцевидные сосуды из Кээрмуци - не единственные на территории Восточного Туркестана. Два горшка такой формы найдены в 1976 г. при обработке земли крестьянами на стоянке Сыдуйтуцю (буквально "земляной холм четвертой бригады"), расположенной на территории большой бригады (деревни) Каньэрцзы в уезде Цитай Синь-цзян-Уйгурского автономного района, у северных предгорий Тяньшаня, примерно в 450 км к югу-юго-востоку от Кээрмуци, по другую сторону Джунгарской котловины [Сюэ Цзунчжэн, 1982, с. 23]. Один из них, высотой 14 см, с устьем диаметром 11,5 см, круглодонный, с глубоким, "по форме напоминающим гальку" туловом с дугообразными выпуклыми стенками, вылеплен вручную из черной керамики (рис. 2, 9). Его прямой венчик отделен от плечиков горизонтальным налепным валиком с пояском за-щипов и украшен косой ромбической сеткой резных линий. Тулово орнаментированно наклонными "лесенками", составленными, насколько можно судить по фотографии, тоже из резных линий, оттисками заостренной палочки и, возможно, гребенки. Второй сосуд, фрагментированный и не показанный на иллюстрации, также черной керамики, той же формы, что и первый, но украшен, в отличие от него, горизонтальными поясками гребенчатого штампа, что, заметим, гораздо ближе к орнаментальной схеме, типичной для афанасьевской культуры, особенно в ее алтайском варианте [Хлобыстина, 1975, с. 26].

Орнаментация первого сосуда из Сыдуйтуцю для афанасьева необычна, зато встречает неожиданные аналогии в Осинкинском могильнике на Алтае, датированном автором раскопок Д.Г. Савиновым X-VIII вв. до н.э. [Савинов, 1975, с. 98-99]. Там вне могил найдено четыре попарно расположенных вверх дном яйцевидных сосуда, один из которых украшен по венчику косой сеткой между двумя рядами жемчужника, а ниже, по плечикам, наклонными лесенками (рис. 2, 5) [Членова, 1994, с. 55]. По Н.Л. Членовой, дата этого сосуда с "косо поставленными заштрихованными полосами, типичными для ирменско-болыпереченских памятников", "скорее VII, чем VIII-VII вв. до н.э." [Членова, 1994, с. 35]. Правда, в Туруновке-4, на которую она ссылается, косая сетка и наклонные лесенки (они же "косо поставленные заштрихованные полосы"), судя по публикации, встречаются порознь, а горшки плоскодонные [Молодин, 1985, с. 156-158].

Другая пара из Осинкинского (Старшего Осинкинского, по Н.Л. Членовой) могильника - "митровидная", круглодонная, причем один сосуд украшен по венчику тремя рядами ямочных вдавлений вертикальной палочкой (рис. 2, 10), чем близко напоминает образец из М 16 в Кээрмуци (рис. 2, 5,6). Стоит сразу заметить, что рассмотренные сосуды из Осинкинского могильника гораздо крупнее, чем их аналоги из Синьцзяна. Их средний диаметр по венчику около 35 см и высота 50-60 см. Более близкий синь-цзянским по размерам и тождественный по форме, небольшой круглодонный керамический сосуд со слегка выпуклым туловом высотой 13,7 см и диаметром около 10 см по венчику, украшенному пояском ямок (рис. 2, 77),

обнаружен вместе со створкой литейной формы для лопатки (рис. 2, 72) и медной пластиной летом 1976 г. в погребении в каменном ящике из разрушенного кургана в с. Озерном Онгудайского района Республики Алтай [Погожева, Кадиков.1979, с. 80; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 59-60; Кубарев, 1988, с. 80-81]. В заключение следует еще раз оговориться, что все известные на данный момент яйцевидные сосуды в Кээрмуци найдены за пределами погребений в больших каменных ящиках. На исконную принадлежность их создателям может претендовать керамический баночный сосуд, украшенный по венчику пояском орнамента, состоящего из наклонных резных линий и рядов треугольных наколов (рис. 3, 7). Он встречен в потревоженном более поздним впускным захоронением раннего железного века коллективном погребении в большом каменном ящике М7м1 вместе с шестью каменными горшками, четырьмя кремневыми и одним бронзовым трехгранным наконечниками стрел, бронзовым (рис. 3, б) и аналогичным каменным (рис. 3, 5) изделиями непонятного предназначения.

Кремневые наконечники стрел, обнаруженные в Кээрмуци, также не могут служить веским аргументом в пользу афанасьевской атрибуции памятника [ср. Заднепровский, 1992, с. 120]. Стрелы этих нескольких разных типов - миндалевидные с прямым или слегка вогнутым основанием или с выделенным черешком и треугольные с черешком (рис. 3, 2), характерны не только для афанасьева, но и для иных, более поздних культур эпохи бронзы [Молодин, 1985, с. 40-41]. Особенно разителен контраст частоты встречаемости каменных наконечников. В Кээрмуци 18 изделий приходится на 20 погребений в больших каменных ящиках, что несопоставимо с только 6 стрелами со всей Минусинской котловины, приходящимися на 309 раскопанных там к середине 80-х годов афанасьевских могил [Вадецкая, 1986а, с. 16, 18]. В афанасьевских погребениях Горного Алтая известно только два каменных наконечника стрел, оба из одной могилы в ограде 4 на Первом Межелике I [Степанова, 1997, с. 33; Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999, с. 32, 36]. В пятом, афанасьевском слое стоянки Тоора-Даш в Туве найдено 3 целых кремневых наконечника стрел и 7 их обломков и заготовок. В более позднем шестом слое той же стоянки обнаружено 9 целых наконечников и 39 их обломков и заготовок [Семенов, 1992, с. 33-34]. Все 18 кремневых наконечников стрел из Кээрмуци найдены в телах погребенных в больших каменных ящиках. Для инвентаря этих могил характерны также многочисленные каменные круглодонные сосуды закрытых форм типа А по классификации Ван Линьшаня и Ван Бо. В качестве характерных примеров эти исследователи приводят горшок из погребения М8 - с небольшим плоским доньшком, овальным туловом высотой 18,7 см и устьем диаметром 11,7 см со слегка отогнутым венчиком по краю (рис. 3, 4) и сосуд из погребения М7м2 - уже чисто круглодонный, с яйцевидным, гладко отполированным туловом высотой 14,8 см, изготовленным из темно-зеленого сланца, напоминающего по цвету окисленную бронзу. По внешней кромке узкого устья диаметром 8,5 см у этого горшка идет закраина, явно имитирующая в камне приемы оформления венчиков бронзовой посуды (рис. 3, 5). Встречен в Кээрмуци, в погребении М2, и относящийся к типу В полушаровидный каменный сосуд с устьем диаметром около 14 см, при общей высоте 13,5 см, венчик которого никак не выделен (рис. 3, 8). К типу С принадлежат

сосуды с цилиндрическим туловом. Наиболее яркий их представитель - двойной горшок из погребения МЗ, высотой 11,9-12,3 см и диаметром двух устьев 7,5-9 см и 7,9-8,8 см соответственно. Он сделан из одного куска камня, с небольшой щелью в верхней части разделительной стенки (рис. 4, 2).

Кроме того, в Кээрмуци, в пределах оградки М1 б, но вне погребений, найден каменный ковш (или чаша с ручкой). Это плоскодонное изделие с круглым туловом и ровными стенками высотой 8,7 см, общей длиной (с ручкой) 19 см, диаметром устья 12,9-14,7 см, диаметром доньшка 9,3-11,5 см и толщиной стенки 1 см (рис. 3, 7; 4, 7; 5, 5). Ручка длиной 6 см. Ее конец оформлен в виде головки животного с раскрытым ртом и вертикально стоящими ушами (рис. 5, 5). И Маньбай и Мо Минхуа считают его изображением быка, видимо, принимая уши за рога. На мой взгляд, профильная прорисовка больше похожа на голову медведя, чем на быка (рис. 3, 7), а на некоторых фотографиях конец ручки чаши-ковша вообще производит впечатление не зооморфности, а фалломорфности (рис. 4, 7). Вне Кээрмуци в китайской части Алтая встречен еще один каменный сосуд с цилиндрическим туловом и круглым дном. Такая находка была сделана в 1977 г. в районе Мошэнхя, соседнего с Кээрмуци уезда Буэрцзинь (Бурчун) [Ван Линьшань, ВанБо, 1996, с. 89-90].

Каменные сосуды известны и в Южной Сибири. Они обнаружены в относящихся к эпохе бронзы одиночных захоронениях в каменных ящиках могильника Аймырлыг в Туве [Мандельштам, 1973, с. 228]. Эти изделия украшены процарапанными изображениями животных (рис. 5, 4). Каменный плоскодонный сосуд овальной формы, также покрытый снаружи процарапанными изображениями животных, найден в 1977 г. на берегу оз. Лаптевское в Угловском районе Алтайского края [Кирюшин, Симонов, 1997, с. 167-171]. По верхней кромке угловского сосуда проходит зигзагообразная линия, образующая "подвешенные" треугольники (рис. 5, 7). Кольцевой зигзагообразной линией, заключенной между двумя прямыми, украшено тулово каменного цилиндрического сосуда высотой 7,8 см и с устьем диаметром 7 см с поселения самусьской культуры Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, с. 44, 48]. Другой зигзаг идет по срезу венчика этого бокала (рис. 5, 2). В Кээрмуци, насколько можно судить по публикациям, внешняя поверхность каменных сосудов не орнаментирована. Однако зооморфное навершие ручки каменного ковша из оградки М1 б в Кээрмуци вполне можно сопоставить с процарапанным изображением лошади на чаше из погребения 8 могильника Аймырлыг (рис. 5, 4, 5). Кроме того, в деревне Кусицунь, что в волости Авэйтань того же уезда Алтай, где расположен и Кээрмуци, в 1994 г. был обнаружен вылепленный вручную круглодонный полушарный сосуд из черной песчанистой керамики высотой 11,5 см и с диаметром устья 12 см [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996, с. 81, 89)]. По венчику он украшен штампованным или прочерченным узором горизонтального зигзага, заключенного между двумя кольцевыми линиями (рис. 5, 3). Тем самым по форме и размерам керамический сосуд из Кусицунь близко напоминает каменные изделия Кээрмуци (ср. рис. 3, 8), а по орнаменту - находки из Угловского района и, особенно, из Крохалевки-1.

Тем не менее, ближайшие соответствия каменные сосуды из Кээрмуци встречаются на памятниках типа Наньшаньгэнь М1 01 - Сяохэйшигоу из уезда Нинчэн в автономной районе Внутренняя Монголия КНР. Там аналогичные формы посуды отливали из бронзы. В качестве примера можно привести круглодонный бронзовый сосуд с овальным туловом высотой 11,2 см и суженным устьем с закраиной, в которой проделано 21 отверстие из погребения в каменном ящике М1 01 в Наньшаньгэне (рис. 4, 7) [Погребение в каменном ящике, 1973, с. 35]. В погребении в каменном ящике в Сяохэйшигоу найден похожий бронзовый сосуд высотой 11,3 см и с максимальным диаметром тулова 9,5 см, только у него есть небольшое плоское доньшко, а в венчике проделано 29 отверстий (рис. 4, 8) [Сянь Чуньсун, Ли И, 1995, с. 15,19,20], Кроме того, в Сяохэйшигоу есть еще два чисто круглодонных бронзовых сосуда высотой 12 и 15 см [Сянь Чуньсун, Ли И, 1995, с.16].

Особенно показательно сходство таких ритуальных предметов из уездов Алтай и Нинчэн, как ковши с прямой фалломорфной ручкой (рис. 4, 1,3,5) и встречающиеся вместе с ними двойные сосуды под выпуклой крышкой, имитирующие женскую грудь (рис. 4, 2,4,6). В Наньшаньгэнь М1 01 найдено два таких ковша, круглодонных, с устьем диаметром 8,3-8,9 см и изображением фаллоса длиной 11,5 см на петельчатой ручке (рис. 4, 5). Двойной сосуд там один, высотой 11,4 см и с суммарным диаметром двух округлых чаш 28 см (рис.4:6) [Погребение в каменном ящике, 1973, с. 30]. В Сяохэйшигоу бронзовых ковшей с фалломорфной рукоятью встречено тоже два. Высота одного из них - 8,5 см, а диаметр чаши вместе с длиной фалломорфной рукояти - 26 см (рис. 4, 3). Двойной сосуд в Сяохэйшигоу один, яйцевидной формы, с большим плоским доньшком и полусферической крышкой, изображающей женскую грудь. Его высота 15 см, а максимальный суммарный диаметр двух частей - 28 см (рис. 4, 4). В одном отделении этого сосуда в момент раскопок были найдены остатки мясной пищи, а в другом растительной [Сянь Чуньсун, Ли И, 1995, с. 16]. Кстати сказать, двойной бронзовый сосуд из погребения М1 01 в Наньшаньгэнь украшен скульптурками лошадок (см. рис. 4, 6), что перекликается с ковшом из Кээрмуци по форме исполнения, а с орнаментацией южносибирских каменных сосудов из Аймырлыга - по сюжету.

Памятники типа Наньшаньгэнь М1 01 - Сяохэйшигоу обычно датируются концом Западного Чжоу, т.е. IX-VIII вв. до н.э. Захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци, как уже отмечалось, в ряде случаев перекрыты сверху или нарушены впускными могилами раннескифского времени - VII-VI вв. до н.э. [Варенов, 1999в, с. 27-28], что в сочетании с данными по Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу и определяет верхнюю хронологическую границу их бытования. Причем большие каменные ящики Кээрмуци не могут быть существенно древнее, чем Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу, поскольку для них характерно не просто воспроизведение в камне бронзовых изделий (рис. 3, 3), но и существование таких имитаций с бронзовыми оригиналами весьма сложной формы (рис. 3, 5.6).

Для определения нижней хронологической границы сооружения больших каменных ящиков в Кээрмуци важно открытие в пределах оградки М1 7, но вне расположенных там погребений в каменных ящиках группы из семи литейных

принадлежностей. В нее входят две створки каменной литейной формы длиной 16,2 см и шириной 8,2-9,4 см для изготовления лопатки общей длиной 13,5 см с круглой в сечении, выступающей за пределы лопасти шириной 6,5-9 см втулкой с боковой петелькой (рис. 6, 3, 4) и две непарных (возможно, незаконченных) створки длиной 14, шириной 5 и толщиной 2 см для отливки шила длиной 12 см и тесла длиной 12-13 см и шириной 2,3-4,5 см (рис. 6, 1, 2). Петелька на негативе втулки у каменной литейной формы лопатки, насколько можно судить по фотографии, образована не кольцевым сверлением, а рядом соединенных между собой радиальных пропилов. В той же технике оформлены петельки на негативах втулок у литейных форм некоторых копий и кельтов сейминского типа из Ростовки и с Иртыша [Черных, Кузьминых, 1989, с. 55, 75], хотя надо отметить, что изделия из Ростовки и отличаются от китайских [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 26, 41].

П. М. Кожин прямо связывает появление кельтов-лопаток с сейминской традицией, а зарождение этой традиции - с районами месторождений глинистого сланца [Кожин, 1993, с. 19-23]. Близость таких месторождений, видимо, и обусловила обилие каменных сосудов в Кээрмуци и незначительное количество или отсутствие керамики в погребениях в больших каменных ящиках. Привычкой сеймино-турбинского населения к изготовлению у себя на родине каменных и иных некерамических (возможно, сделанных из органических материалов) сосудов, скорее всего, и объясняется отсутствие достоверно сейминско-турбинской керамики и наличие на каждом из сейминских могильников керамики, восходящей к местным традициям.

В Китае кельты-лопатки с выступающей за пределы лопасти втулкой появляются в начале эпохи Инь (XIII в до н.э.) и доживают до ханьского времени, до первых веков нашей эры. Правда, тогда их отливали уже не из бронзы, а из железа. На Иньском городище в Аньяне за все годы раскопок обнаружено 15 лопаток [Открытия, 1994, с. 305]. Они достаточно единообразны, с подпрямоугольной, слегка закругленной сверху лопастью (рис. 6, 7, 14). Втулки всех китайских лопаток в сечении прямоугольные и без петелек. Исключение составляют только семь самых ранних экземпляров, происходящих (рис. 4, 3). Двойной сосуд в Сяохэйшигоу один, яйцевидной формы, с большим плоским доньшком и полусферической крышкой, изображающей женскую грудь. Его высота 15 см, а максимальный суммарный диаметр двух частей - 28 см (рис. 4, 4). В одном отделении этого сосуда в момент раскопок были найдены остатки мясной пищи, а в другом растительной [Сянь Чуньсун, Ли И, 1995, с. 16]. Кстати сказать, двойной бронзовый сосуд из погребения М1 01 в Наньшаньгэнь украшен скульптурками лошадок (см. рис. 4, 6), что перекликается с ковшем из Кээрмуци по форме исполнения, а с орнаментацией южносибирских каменных сосудов из Аймырлыга - по сюжету.

Памятники типа Наньшаньгэнь М1 01 - Сяохэйшигоу обычно датируются концом Западного Чжоу, т.е. IX-VIII вв. до н.э. Захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци, как уже отмечалось, в ряде случаев перекрыты сверху или нарушены впускными могилами раннескифского времени - VII-VI вв. до н.э. [Варенов, 1999в, с. 27-28], что в сочетании с данными по Наньшаньгэнь-

Сяохэйшигоу и определяет верхнюю хронологическую границу их бытования. Причем большие каменные ящики Кээрмуци не могут быть существенно древнее, чем Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу, поскольку для них характерно не просто воспроизведение в камне бронзовых изделий (рис. 3, 3), но и сосуществование таких имитаций с бронзовыми оригиналами весьма сложной формы (рис. 3, 5,6).

Для определения нижней хронологической границы сооружения больших каменных ящиков в Кээрмуци важно открытие в пределах оградки М1 7, но вне расположенных там погребений в каменных ящиках группы из семи литейных принадлежностей. В нее входят две створки каменной литейной формы длиной 16,2 см и шириной 8,2-9,4 см для изготовления лопатки общей длиной 13,5 см с круглой в сечении, выступающей за пределы лопасти шириной 6,5-9 см втулкой с боковой петелькой (рис. 6, 3, 4) и две непарных (возможно, незаконченных) створки длиной 14, шириной 5 и толщиной 2 см для отливки шила длиной 12 см и тесла длиной 12-13 см и шириной 2,3-4,5 см (рис. 6, 1, 2). Петелька на негативе втулки у каменной литейной формы лопатки, насколько можно судить по фотографии, образована не кольцевым сверлением, а рядом соединенных между собой радиальных пропилов. В той же технике оформлены петельки на негативах втулок у литейных форм некоторых копий и кельтов сейминского типа из Ростовки и с Иртыша [Черных, Кузьминых, 1989, с. 55, 75], хотя надо отметить, что изделия из Ростовки и отличаются от китайских [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 26, 41].

П. М. Кожин прямо связывает появление кельтов-лопаток с сейминской традицией, а зарождение этой традиции - с районами месторождений глинистого сланца [Кожин, 1993, с. 19-23]. Близость таких месторождений, видимо, и обусловила обилие каменных сосудов в Кээрмуци и незначительное количество или отсутствие керамики в погребениях в больших каменных ящиках. Привычкой сеймино-турбинского населения к изготовлению у себя на родине каменных и иных некерамических (возможно, сделанных из органических материалов) сосудов, скорее всего, и объясняется отсутствие достоверно сейминско-турбинской керамики и наличие на каждом из сейминских могильников керамики, восходящей к местным традициям.

В Китае кельты-лопатки с выступающей за пределы лопасти втулкой появляются в начале эпохи Инь (XIII в до н.э.) и доживают до ханьского времени, до первых веков нашей эры. Правда, тогда их отливали уже не из бронзы, а из железа. На Иньском городище в Аньяне за все годы раскопок обнаружено 15 лопаток [Открытия, 1994, с. 305]. Они достаточно единообразны, с подпрямоугольной, слегка закругленной сверху лопастью (рис. 6, 7, 14). Втулки всех китайских лопаток в сечении прямоугольные и без петелек. Исключение составляют только семь самых ранних экземпляров, происходящих из могилы Фу-хао на Иньском городище в Аньяне, втулки которых хотя и лишены ушек, но в сечении круглые или овальные [Могила Фу-хао, 1980, с. 103].

Типологически лопатки их могилы Фу-хао заметно отличаются друг от друга и от остальных аньянских находок. Одна (самая маленькая) лопатка представляет

собой как бы "кельт с крыльями". Ее втулка доходит до самого рабочего края лопасти и орнаментирована точно так же, как и типичные иньские кельты: "подвешенными" к устью треугольниками, изображающими, как принято считать, цикаду, и/или прямым крестом (рис. 6, 8). Две лопатки имеют круглую в сечении втулку с манжетой, доходящую только до верхней трети слегка расширяющейся к лезвию плоской лопасти (рис. 6, 9). Еще четыре "лопатки" с длинной круглой втулкой из могилы Фу-хао богато орнаментированы ромбами, их плечики спирально изгибаются, а ширина лопасти больше ее длины (рис. 6, 5).

Похожее изделие длиной 21,3 см известно в коллекции Фрееровской галереи искусств в Вашингтоне, только лопасть у него нефритовая, а зажимающая ее бронзовая втулка сплошь инкрустирована бирюзой (рис. 6, 6). Такие бронзовые "лопаты" представляют из себя, на мой взгляд, скорее секиры или топоры, а их аналог с нефритовым лезвием является ритуальной утварью. Уже несомненный бронзовый топор с аналогичным принципом крепления к рукояти и тоже богато орнаментированный, обнаружен в большой шанской могиле из уезда Синьган, что в провинции Цзянси, южнее р.Янцзы (рис. 6, Iff). Там же встречен широкий спектр бронзовых орудий с втульчатым креплением к вертикальному древку: от мотыги (рис. 6, 11) до пешни [?] (рис. 6, 12) и лопатки (рис. 6, 73).

Китайские археологи относят большую шанскую могилу в уезде Синьган по составу бронзового и нефритового инвентаря к среднему периоду существования Иньско-го городища в Аньяне. Для могилы в Синьгане в трех разных лабораториях получено три радиоуглеродных даты: 1670 ± 140 лет до н.э., 1410 ± 160 лет до н.э. и 1010 ± 320 лет до н.э. (Большая шанская могила, 1997, с. 238-240). Для древесины гроба из могилы Фу-хао, одной из жен иньского вана У-дина, правившего по так называемой исправленной исторической хронологии Аньяна в конце XIII - начале XII вв. до н.э., получена радиоуглеродная дата, равная 1205 ± 140 лет до н.э. (все даты даны для уточненного периода полураспада C-14 = 5730 лет, но без учета дендрохронологической калибровки) [Радиоуглеродное датирование, 1983, с. 80].

Не совсем ясно, были ли литейные принадлежности выброшены на древнюю поверхность почвы при сооружении каменного ящика M17m1, при разграблении его содержимого или находились там изначально. Несомненно только, что захоронения с каменными сосудами - не самые ранние в Кээрмуци. В каменном ящике МП длиной 1,9 м, шириной 1,4 м, глубиной 1,3 м и с ориентацией по азимуту 270 градусов на глубине 90 см у его южной стенки головой на запад на спине с поднятыми вверх согнутыми ногами помещен человеческий костяк в сопровождении кованого наконечника копья из красной меди, бронзового шила и двух каменных горшков. В 20 см ниже него, в заполнении ящика, под гранитной плитой размерами 60 x 40 см лежали кости другого умершего и керамический сосуд. К сожалению, ни этот сосуд, ни бронзовое копье из М1 1 не изданы, так что составить более определенное мнение об их культурно-хронологической атрибуции нельзя.

Найденный в Кээрмуци каменный трехгранный в сечении фалломорфный жезл длиной 26 см и размером в поперечнике 5 см, украшенный антропоморфной личиной

(рис. 3, 9) сопоставим и с каменным амулетом из погребения в Норовлин ууле в Восточной Монголии [Волков, 1975, с. 77-79], и с афанасьевскими фалломорфными жезлами [Савинов, 1994, с. 133], и с минусинскими и западно-сибирскими фигурными каменными жезлами с зооморфными навершиями, датируемыми обычно окуневским [Ле-онтьев, 1975, с. 65-66] или сейминским [Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 149] временем. Однако жезл этот встречен при исследовании захоронения M21, где не сохранилось ни иного инвентаря, ни человеческих костей, а могильная камера к моменту раскопок была уже разрушена, так что полной уверенности в его принадлежности к культуре погребений в больших каменных ящиках быть не может. Разумеется, при поиске возможных аналогий никак нельзя сбрасывать со счетов алтайскую [Кирюшин, 1991, с. 66-70], североказахстанскую [Зданович, Мошинская, 1973, с. 199-202] и особенно самусьскую антропоморфную каменную скульптуру [Матющенко, 1973, с. 191-193]. Обусловлено ли ее сходство с жезлом из Кээрмуци распространением "фаллического культа, тесно связанного с общим культом плодородия" [Студзицкая, 1987, с. 78] или иными причинами этнокультурного характера [Савинов, 1993, с. 26] предстоит еще выяснить в ходе дальнейших исследований.

Все вышеизложенное заставляет предварительно датировать коллективные захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци, сопровождающиеся каменными сосудами и кремневыми наконечниками стрел, XV-VIII, XIII-VIII или даже X-VIII вв. до н.э., в зависимости от того, положительно или отрицательно мы решаем вопрос о принадлежности к ним каменного жезла с антропоморфной личиной и/или литейных приспособлений. Конечно, опубликованного китайскими учеными материала крайне мало для выделения новой археологической культуры эпохи бронзы. Пока неизвестны ни ее поселенческие комплексы, ни, по большому счету, хозяйство. Однако необычность инвентаря и погребального обряда коллективных захоронений в больших каменных ящиках из Кээрмуци (пусть и исследованных и, особенно, изданных не на должном методическом уровне), заставляют нас уже сейчас зарезервировать за собой такую возможность. За новой археологической культурой мы предлагаем закрепить название "культура Кээрмуци" или, в более правильной тюркской транскрипции, "культура Чемур-чек" (чемурчечская культура).

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 99-01-00319.

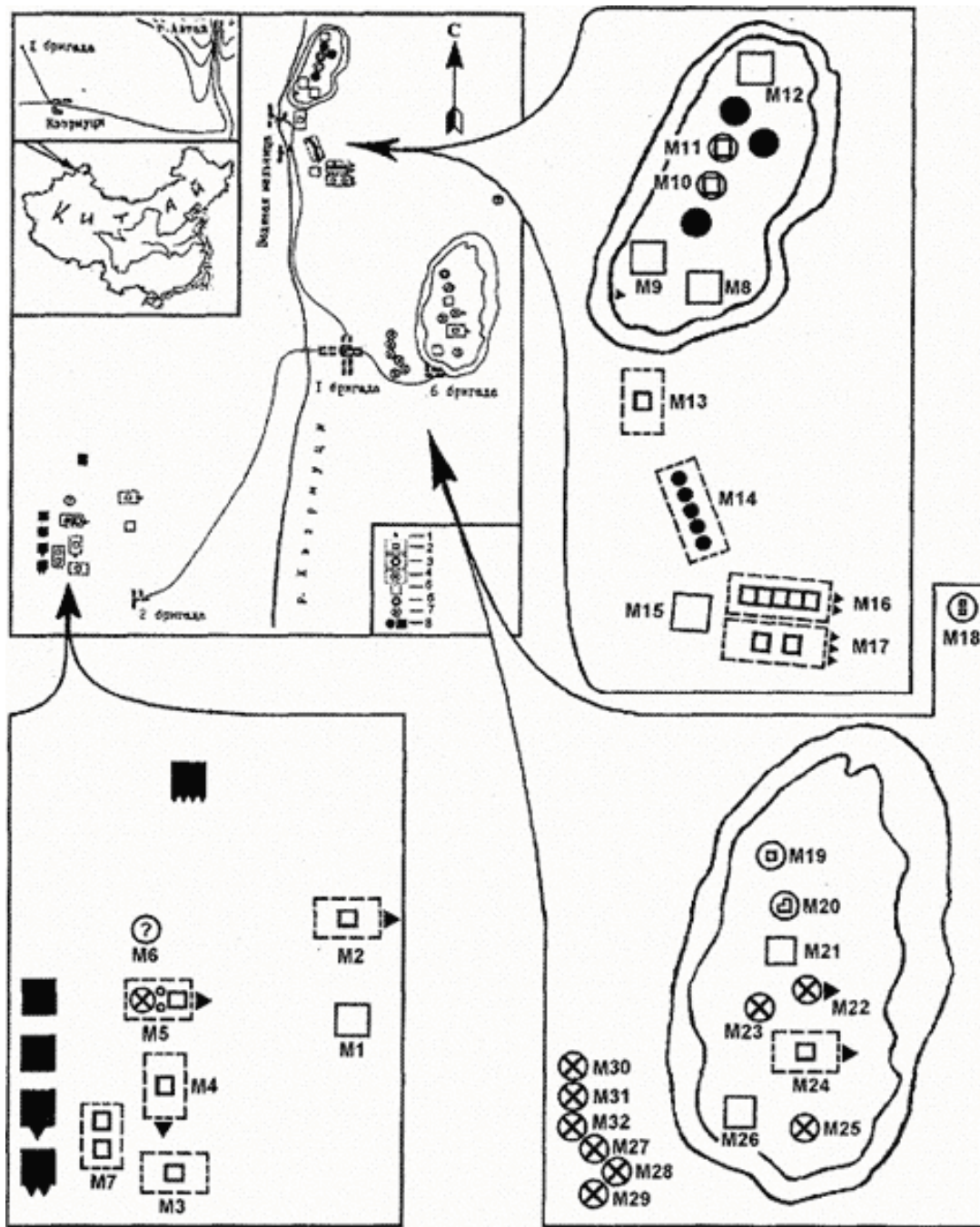

Рис. 1. План археологического микрорайона Кээрмуци.

1 - изваяния людей или вертикально стоящие камни, 2 - погребение в каменном ящике внутри оградки, 3 - погребение в каменном ящике под курганной насыпью внутри оградки, 4 - погребение в грунтовой яме под курганной насыпью внутри оградки, 5 - погребение в каменном ящике, 6 - погребение в каменном ящике под курганной насыпью, 7 - погребение в грунтовой яме под курганной насыпью, 8 - не раскопанные конструкции. Масштабирование и размещение врезок выполнено автором.

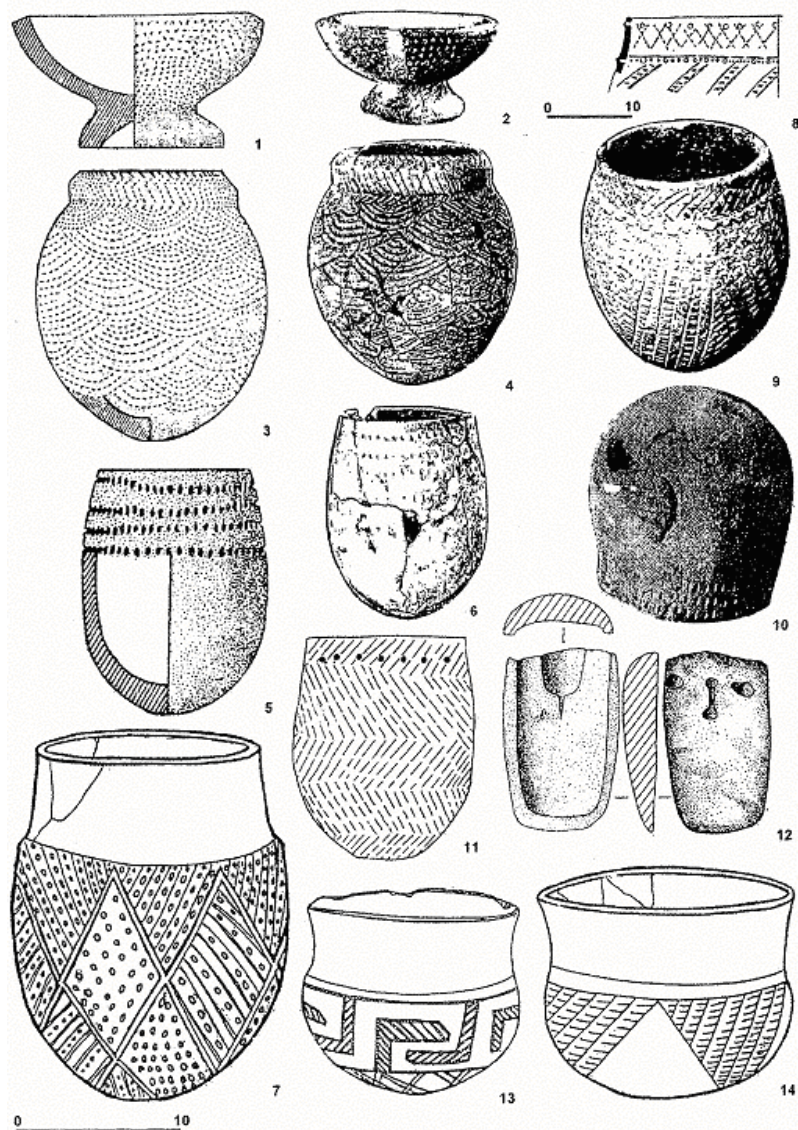

Рис. 2. Керамика эпохи бронзы из Кээрмуци и ее аналогии.

1-7 - из Кээрмуци (Чемурчек) в уезде Алтай (7, 2 - из погребения в большом каменном ящике М24; 3-6 - из оградки М16, но вне погребений, 7 - случайная находка на могильнике Кээрмуци, сделанная не во время раскопок); 8, 10 - из Осинкинского могильника в Усть-Пристанском районе Алтайского края; 9 - со стоянки Сыдуйтуцю (Каньэрцзы) в уезде Цитай Синьцзян-Уйгурского автономного района; 11, 12 - из кургана у села Озерное в Онгудайском районе Республики Алтай; 13 - из деревни Куси (Кусицунь) в волости Авэйтань уезда Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района; 14 - из Куижэкэбаидэнколасы уезда Фухай Синьцзян-Уйгурского автономного района. 12 - камень, все остальные - керамика. Пары 7 и 2, 3 и 4, 5 и 6 изображают одно и то же изделие. Все прорисовки, кроме 8, даны в одном масштабе. Масштаб фотографий 2, 4, 6, 9, 10 разный. 8 - по Н.Л. Членовой, 10 - по Д.Г. Савинову, 77,72 - по В.Д. Кубареву. Масштабирование выполнено автором.

Рис. 3. Древности из погребений в больших каменных ящиках Кээрмуци.
 1 - из погребения в каменном ящике М7м1; 2 - из разных погребений, в том числе: пять наконечников стрел - из погребения М1, три наконечника - из погребения М2, четыре наконечника - из погребения М7м1, два наконечника - из погребения М7м2, один наконечник - из погребения М18, два наконечника - из погребения М19, один наконечник - из погребения М20, точное распределение по могилам неизвестно; 3 - из погребения М7м2; 4 - из погребения М8; 5 - из погребения М7м1; 6 - из погребения М19; 7 - из оградки М16, но вне погребений; 8 - из погребения М2; 9 - из погребения М21. 7 - керамика, б - бронза, остальные - камень. Все - разный масштаб.

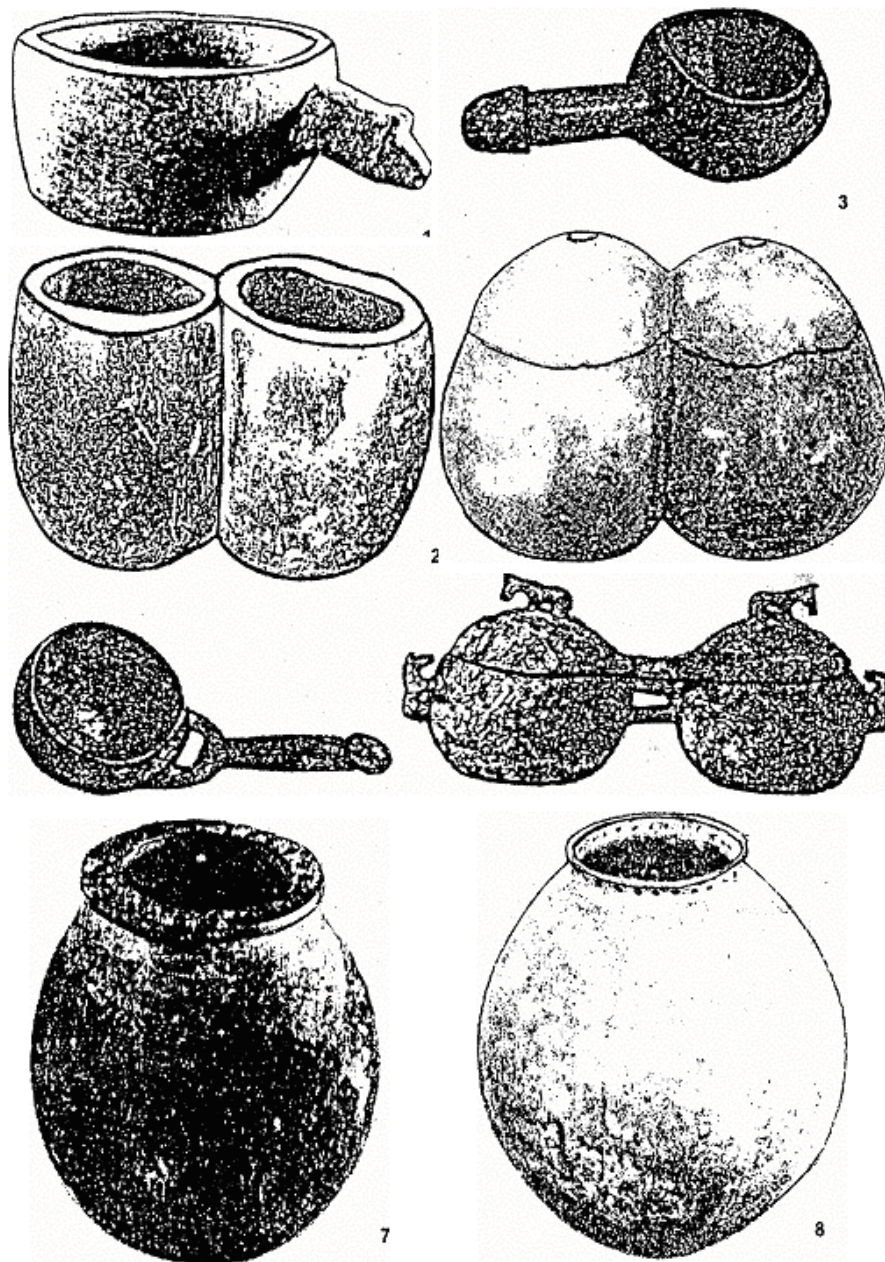

Рис. 4. Каменные сосуды из Кээрмуци и их бронзовые аналоги.
 1 - из оградки М16 в Кээрмуци, но вне погребений; 2 - из погребения МЗ в Кээрмуци; 3,
 4, 8 - из погребения в каменном ящике в Сяохэйшигоу уезда Нинчэн автономного
 района Внутренняя Монголия; 5, 6, 7 - из погребения в каменном ящике М101 в
 Наньшаньгэнь уезда Нинчэн автономного района Внутренняя Монголия. 1,2- камень,
 3-8 - бронза. Все - разный масштаб.

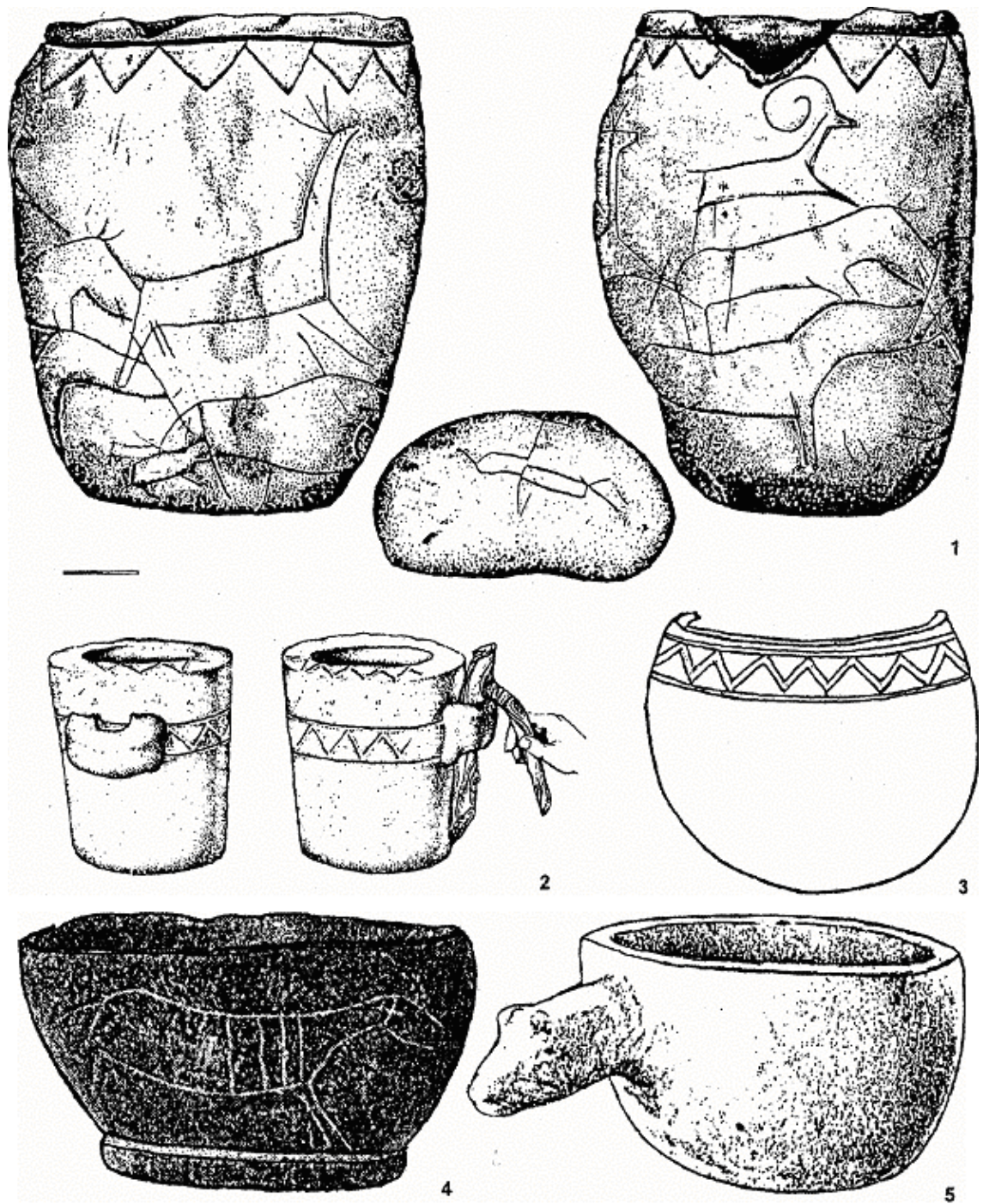

Рис. 5. Каменный ковш и аналоги другим каменным сосудам Кээрмуци.
 1 - с озера Лаптевское в Угловском районе Алтайского края; 2 - с поселения Крохалевка-1; 3 - из деревни Кусицунь в волости Авэйтань уезда Алтай; 4 - из погребения 8 могильника Аймырлыг в Туве; 5 - из оградки М16 в Кээрмуци, но вне погребений. 3 - керамика, все остальные - камень. 1 - по Ю.Ф. Кирюшину и Е.В. Симонову, 2 - по В.И. Моддину и И.Г. Глушкову, 4 - по А.М. Мандельштаму. Все - разный масштаб.

Рис. 6. Литейные формы из Кээрмуци и бронзовые лопатки из Китая.

1-4 из оградки M17 в Кээрмуци, но вне погребений; 5, 8, 9 - из могилы Фу-хао на Иньском городище в Аньяне; б - из коллекции Freer Art Gallery в Вашингтоне, США; 7 - из погребения M1713 на могильнике в западном районе Иньского городища в Аньяне; 70-73 - из большой могилы шанского времени в уезде Синьган провинции Цзянси; 14 - т Дасыкунцунь на Иньском городище в Аньяне. 1-4 - камень, все остальные - бронза, б - со вставным нефритовым лезвием, бронзовая втулка инкрустирована бирюзой.

Все даны в одном масштабе, масштабирование выполнено автором